

ПОВЕСТЬ О ПАСТУХАХ

В этой повести все действующие лица названы их подлинными именами, а факты и события взяты непосредственно из жизни. Таким образом, «Повесть о пастухах» является очерковым произведением — документальной повестью.

I. «ХИТРЫЙ КУДЛИК».

На земле прикубанской мне случилось пережить несколько любопытных минут, какие, вероятно, рано или поздно выпадают на долю каждого.

Вот бывает же такое: впервые очутишься в какой-нибудь местности, и она, до этого момента тебе совершенно неизвестная, вдруг покажется давным-давно знакомой.

Ну как тут не улыбнуться невольно: чудеса да и только!

А произошло это так. Однажды, будучи в Казьминском — это большое село на западе Ставрополя,— я вспомнил, что где-то совсем рядом должен быть хутор Мищенский, куда я всё собирался. На этот раз мне ничто не мешало побывать там, и я отправился в путь ещё задолго до восхода солнца.

Май приближался к концу. Вся дорога до хутора — километров семь — проложена через волнистую равнину, покрытую нежнозелёным ковром молодых побегов цветистого степного разнотравья. «Волны», точно ступени гигантской лестницы, поднимались всё выше и выше, туда, где по вершине далёкого взгорья обозначилась линия горизонта.

И странное дело: всё время в пути меня преследовало ощущение, будто иду я по когда-то уже изведанной дороге.

В рельефе здешней местности, изобилующей холмами различной формы и величины, угадывается близость гор, и действительно, когда солнце взошло, я увидел главный Кавказский хребет, увенчанный седоглавым Эльбрусом. Многочисленные забурьяненные овраги, покатые в сторону Невинномыска, свидетельствуют, что они вековечно служат естественными руслами для стока обильных паводковых вод в большую ёмкую Кубань; по глубине их чувствуется, что река протекает где-то совсем рядом.

Идешь, идешь, а подъёму, кажется, не будет конца.

Но вот с высоты очередного холма нежданно-негаданно взору открылась просторная долина, которая сразу же почудилась мне так удивительно знакомой.

Стою и любуюсь одним из чудеснейших уголков Ставрополя. Было же чем залюбоваться! По дну безымянной долины, похожей на овальную чашу, цепочкой вытянулись несколько водоёмов. На покато́й полянке разместился сам хутор. К нему с двух сторон примыкают молоденькие, но уже пышные ясеневая и акациевая рощи. Издали Мищенский кажется огромной левадой. Здешние жители эту местность за её неровности прозвали «катавалами».

Только что взошедшее, но уже по южному жаркое солнце щедро заливало долину всюду проникающим светом и чудесно оживляло утреннюю панораму.

С холмов-катавал до самых берегов водоёмов ниспадает светлозелёная ткань разнотравья, усыпанная сверкающим бисером росы. В ложбинах, между холмами,

стелется молочной белизны туманец, напоминая развёрнутые и трепещущие на ветру газовые шарфы. Но с восходом солнца водоёмы быстро очистились от нависшего над ними тумана и по всей их зеркальной глади ослепительно засверкало серебро. В тёмнозелёных рощах и садах, выбросивших полный лист, растворялся обильный поток лучей. Свежевыбеленные дома, затенённые листвой, казались нарисованными. И всё это под куполом светлоголубого неба без единого облачка.

Как зачарованный стою на взгорье и думаю: да, очевидно, что-то похожее уже видел. Но где, когда? Догадка сменяет другую. А не во сне ли? А, может быть, это картина с давних пор запомнилась? Пожалуй, так оно и есть! Потому что, обозревая долину, испытываешь такое чувство, будто мысленно воспроизводишь когда-то в молодости поразившую ум картину и отыскиваешь в ней сходство с тем, что сейчас перед глазами. А потом вдруг будто припоминается, казалось, давно забытый радужный сон, где всё вот так же сказочно красиво. И сознание склоняется к тому, что ничего нет удивительного, если такая изумительная картина привлечёт к себе внимание художника — любителя пёстрого пейзажа или явится в детском сне.

Созерцание и догадки заняли несколько минут. А затем возникает и прочно овладевает мною мысль: сама природа здесь создала очень удобную «площадку» для гуртов скота, отар овец, косяков лошадей.

Забегая несколько вперёд, надо сказать, что хуторяне разумно и добросовестно извлекают все выгоды из «географии» своего местоположения.

Заглядевшись на благодатную долину, я не сразу заметил, что снизу по ложине между холмами взбирается стадо. И тотчас же я увидел другое, уже пасущееся на соседней высотке. А ещё дальше, по крутым склонам катавал, вольно рассыпался косяк коней. И то там, то тут на глаза попадались отары овец, кажущиеся перистыми облаками, спустившимися на землю.

Приволье!

Теперь-то уж разглядел, что около хутора, на опушке ясеновой рощи, у подножья взгорья, на вершине которого я стою, в три ряда выстроились капитальные постройки под красной черепицей, а чуточку повыше виднеется бревенчатый баз, откуда, повидимому, вышли оба гурта.

Стадо довольно быстро двигалось мне навстречу, и вскоре оно оказалось на таком расстоянии, что хорошо слышался голос пастуха, отчётливо улавливались его слова.

— Вот я тебе погарцую! Зорька, не балуй! Вернись, чалая! Ох, палкой пересчитаю рёбра...

Зорька, услышав крик, нехотя остановилась, потом, торопливо схватив пучок-другой травы, снова устремилась вперёд, кокетливо подхлёстывая себя длинным хвостом. За ней, будто только того и ждали, гурьбой тронулись все коровы.

Пастух, держась на некотором отдалении от стада, едва за ним поспевал.

— Зорька, ты куда?— он энергично вскинул вверх большую палку с увесистым набалдашником на конце. — Ох, догоню же тебя, вертихвостка!

Зорька, настороженно приостановившись, повернула голову в сторону пастуха и уставилась на него своими кроткими, полными недоумения, глазами. Потом, будто удивлённо покачав головой, нервно встряхнулась всем корпусом и, шумно разнюхивая каждый кустик, лениво принялась щипать траву.

Солнце уже жжёт немилосердно, но на взгорье в этот утренний час дышится легко; из долины веет прохладой. Лёгкий ветерок временами обдаёт всё взгорье, и тогда, вздрогнув, колышутся полынь, тонконог, высоко поднявшиеся над стелющимся по земле тёмнозелёным типчаком. Пышное разнотравье светлозелёным покрывалом сплошь укрыло холм. В степях Ставрополя поискать такое обильное пастбище! И просто непонятно, почему коровы ведут себя так беспокойно? По всему видно, что Зорька «коноводит» в стаде. Может быть, это она своим необузданным «характером» сбивает с

толку подруг? Даже если дело обстоит именно так, то всё же остаётся загадкой: почему всякий раз коровы уж очень охотно спешают за Зорькой?

Пастух всё время держит под своим контролем чалую корову и то и дело покрикивает на неё.

Вблизи отчётливо бросилось в глаза — скот в хорошем теле. Но в стаде много беспородных и разномастных коров. Кажется, на всём свете нет такой породы, которая не была бы здесь представлена животными, хотя бы отдалённо напоминающими своё чистокровное племя. Однако, больше всего коров красной масти. Это указывает на преобладание красной степной породы, с давних времён очень распространённой на Северном Кавказе.

— Ох же ты и штука, Зорька! — пастух снова погрозил ей палкой. — Введёшь-таки меня в грех...

Стадо поровнялось со мной. Рослый бык огненно красной масти совершенно не прикасался к траве. Он дарственной походкой озабоченно передвигался между коров. Ещё на почтительном расстоянии он тупо уставился на меня. Потом, сделав несколько шагов вперёд, грозно опустил крупную голову, прочно держащуюся на могучей шее. Его лоб увенчан короткими рогами, гибкая шея в красивых мелких, на манер каракуля, завитушках, а огромное туловище поблескивает шелковистой шерстью цвета яркого пламени. Дальше красавца рассматривать я не смог. Бык, поводя налитыми кровью глазами, вдруг сердито замычал и тотчас передними ногами принялся яростно загребать и взбрасывать вверх землю. А через миг, тяжко дыша, взревел и, натужно переставляя широко раздвигаются массивные копыта, нацелился на меня. Встреча с быком не сулила ничего приятного, и я быстро отошёл в сторону, к пастуху поближе.

Пастух проворно занял позицию между мною и быком, вскинул палку вверх.

— Голубок! — строго выкрикнул он. — Ты, друг, не шали...

Бык, косясь исподлобья на палку, после минутного тупого раздумья, круто повернулся и, величественно шествуя, смешался со стадом.

— Наш Голубок не любит посторонних, — иронически и в то же время серьёзно оглядывая меня, пояснил пастух, как потом я узнал, Иван Ковалёв. Это был молодой человек лет двадцати трёх, выше среднего роста, со скуластым лицом, в чёрном хлопчатобумажном в полоску костюме. Новая фуражка из чёрной кожи держалась на его голове так, что краем козырька, защищая глаза от солнца, чуть ли не упиралась в шелушащийся нос. Он чуточку задирает голову, чтобы что-нибудь видеть, голос у него громкий, напоминающий нечто среднее между басом и баритоном.

— Бугай наш только на вид страшноватый. Голубок, можно сказать, смиренная скотина. Колхоз за него отдал большую кучу денег. Элита. Он же производитель высшего класса! И в другом стаде такой же зверюга ходит. Улучшаем стадо. Скоро все коровы будут у нас племенные, красной степной породы. А сейчас ещё, видите, сброд богородицы. И есть просто шлопутные, как вон та чалая. Их мы ещё держим просто для поголовья.

Иван замолчал и вопросительно посмотрел на меня, будто спохватился: «А кому всё это я рассказываю?».

— Вы кто же будете? — спросил он и чему-то добродушно улыбнулся. — Кому я... спас жизнь?

Я отрекомендовался.

— И документы есть?

Показал удостоверение.

— Кор-ре-спо-н-дент... — Иван с любопытством ещё раз смерил меня с ног до головы, будто дополнительно искал чего-то в подтверждение подлинности документа. — Ин-те-ре-сно... С дороги сбились?

— Как будто нет.

С минуту помолчали, Иван как-то украдкой из-под козырька посмотрел на меня с видом человека, которому не всё ясно.

— А я ещё с база смотрю: кто это на бугре маячит? Смотрю и вижу: вроде посторонний. Оно как будто пастуха и не касается, кто и куда идёт. Конечно, моё дело пасти скот. А допытываюсь я потому, что земля тут вся наша — колхозная. «Полярной звезде» навечно государством дадена. Выходит и я ж её хозяин,— он широко улыбнулся, очевидно, довольный своей находчивостью.— А хозяин должен знать, что на его земле происходит!

Иван оперся на палку, вид у него был такой, словно он приготовился отвечать на любой вопрос.

— Это ж вам преда надо? — раздумчиво сказал он, первый прервав затянувшуюся паузу, точно хотел ещё что-то выяснить для себя. — А правление наше вон там, в центре хутора. Только навряд ли застанете Ивана Сафроновича. Хлопотливый у нас председатель. Наш Бурхацкий не любит разваливаться в кресле. Всё больше по степи мотается, или за чем в район наведается, а то возьмёт и махнёт в Ставрополь. На «Победе» всё под рукой! А вообще кто-нибудь из начальства будет на хуторе... В другой раз в нашей степи не заблудитесь.

Последнюю фразу он произнёс так, будто ещё не всё сказал. Минуту спустя,— похоже, он размышлял: «Стоит ли говорить то, что было на уме?» — спросил:

— Так прямо вот к нам? Интересно, если не секрет, почему непременно в наш колхоз? Может, у нас что-нибудь того... Или как?

Лицо Ивана осветила хитроватая улыбка, но оно тотчас же приняло серьёзное выражение.

— Ну, что ты с ней поделаешь! — сокрушался он. — Зорька-а!

Чалая корова, воспользовавшись тем, что пастух за нею не наблюдал, вихляющей походкой резво зашагала по вершине взгорья в равнинную степь. Услышав голос пастуха, Зорька на этот раз уже не остановилась, а только плутовато покосившись, пустилась рысью, увлекая за собой всё стадо.

— Куда это вас несёт? — ворчливо покрикивал Иван. — Ну, чего взмордовались? Под ногами корм — лучшего, кажется, и не искать. Так нет же! Зорька, ты куда?

Стадо быстро приближалось к густозелёному массиву. Видимо, то были посевы. Иван, вскинув на плечо палку, пустился вдогонку. Только около посевов ему удалось задержать коров.

— Так-так... — проговорил запыхавшийся пастух, лишь теперь, казалось, открывший причину беспокойства гурта. — Вот оно что! А ты, Зорька, кое в чём разбираешься. Ясно! Зелёный конвейер вам подавай! Без него, выходит, и дня не можете прожить... Сочувствую! И всё-таки, дорогие мои, денька три придётся потерпеть. Да сейчас и на катавалах травы вон сколько!

Пастуху стоило большого труда удержать коров на естественных выпасах. Стадо цепочкой вытянулось вдоль посева.

Когда скот успокоился и даже Зорька начала как будто прилежно пастись в дозволенном месте, Иван объяснил, в чём дело. Шёл первый год, когда колхоз более двухсот гектаров засеял смесью ячменя с овсом и пшеницей на зелёный корм. Два стада во второй половине мая ходили по «зелёному конвейеру».

Это интересное, запоминающееся событие: с первых же дней пастьбы на засеянных массивах коровы прибавили молока — каждые сутки общий удой по ферме возрастал на полтора-два центнера в течение недели.

Но сейчас правление колхоза решило дать «отдохнуть» посевам и распорядилось держать скот на естественных пастбищах.

А Зорька, проказливо косясь на пастуха и будто нарочито дразня его, то и дело как бы невзначай, всё ещё порывалась шагнуть в посев.

— Да нельзя же, бестолковая, сюда! — Иван не на шутку обозлился, и палка краем достала по шее чалую. Зорька обиженно мотнула головой, пугливо отбежала в сторону, явно не понимая, что происходит. — Раз нельзя, то уж нельзя — и всё тут. Если дать вам

самовольство, то хорошего не жди. Во всяком деле порядок должен соблюдаться. А ты прѣшься куда попало...

Присмирившая Зорька теперь держалась стада и с необыкновенной жадностью пожирала траву, точно старалась наверстать упущенное.

Иван, добившись порядка в стаде, снова бросил на меня взгляд, да так, словно его удивило, что я ещё около гурта.

— Здесь вы преда сегодня не дождѣтесь,— сказал он, конфузливо улыбаясь.— Не до того ему! Колхоз уже к уборке готовится. Бурхацкий любит всё делать заблаговременно. Так вот сейчас оборудуются механизированные тока, ремонтируются бестарки. Иван Сафронович мотается по хозяйству и одно знает: «На жатве день год кормит»... На хуторе, около мастерских или на хозяйственном дворе скорее с ним встретитесь... Или вам ещё кого? Может, есть знакомый кто? А то, что именно в наш колхоз — так это точно?

Эти вопросы, повидимому, всё время занимали пастуха.

Я рассказал Ивану, как на краевой сельскохозяйственной выставке ещё в пятьдесят втором году мне посчастливилось встретиться с Артёмом Ивановичем Максименко. Известный всему Ставрополью опытник, старик лет семидесяти, вдохновенно прославлял труд хлеборобов хутора Мищенского, при любой погоде научившихся собирать высокий урожай. С нескрываемой гордостью он неумоимо демонстрировал пышные снопы пшеницы, ячменя, овса.

Колхозная лаборатория, которой многие годы заведывал Артём Иванович, активно внедряла в производство высокую культуру земледелия. И если полеводство артели прочно стало на научную почву, то, по всеобщему признанию, в этом деле немалая заслуга хаты-лаборатории и её руководителя Максименко.

«Хлеба осилили выращивать по-колхозному,— говорил мне Артём Иванович,— Урожай перевалил за двадцать центнеров. И это уже перестало быть новостью. Все колхозы нашего Либкнехтовского района собирают много зерна. Более любопытно другое: окрепшее зерновое хозяйство дало толчок животноводству. Фермы у нас пошли в гору! Артельное производство становится по-настоящему многоотраслевым. Вот теперь-то уж начнѣтся крутой подъѣм колхоза, о котором в прежние годы мы только могли мечтать! И хутор наш расцветает на глазах... Но что больше всего радует — люди умом и сердцем поняли силу коллективного труда, дружно и с интересом работают, в достатке и весело живут. Приезжайте — сами увидите. Обязательно побывайте на фермах. Теперь у нас два стада дойных коров! И в этой отрасли наводим порядок. Что мой рассказ — вам бы своими глазами неплохо повидать».

Это он, Артём Иванович, привлек моё внимание к хутору, затерявшемуся в просторах Прикубанья, к стадам «Полярной звезды».

Лицо Ивана приняло горестное выражение.

— Знаменитый был человек...— сказал он тихо, сделав ударение на слове «был», и снял фуражку.— Недавно мы всем колхозом схоронили Артёма Ивановича... Люди никогда его не забудут!

Помолчали.

— Значит, это Артём Иванович присоветовал,— пастух осторожно надевал фуражку, привычно сощуренные глаза его задумчиво смотрели куда-то вдаль.— Большого ума был человек! И во всяком деле любил порядок!

Пастуха что-то отвлекло. Он снова надвинул фуражку на глаза и пристально куда-то всматривался. Было похоже, что его внимание приковало соседнее стадо, кучно державшееся по ту сторону массива зелёного конвейера. Лицо Ивана мгновенно отразило досаду, на чисто выбритых щеках заиграл румянец.

— Ну, и хитрый же Кудлик!— он сокрушѣнно покачал головой.— Это ж он так себе думает, что никто не заметит... Вот же человек! А ещё считает себя образованным. Сколько лет людей инструктировал, а как сам стал пастухом — забыл про порядки!

Соседний гурт пас Иван Кудлик. Как потом выяснилось, он в своё время в Киеве окончил ветеринарную школу и много лет довольно успешно исполнял в колхозе обязанности ветеринарного фельдшера. А вот в это лето стал пасти стадо, чтобы «на деле доказать, что многое зависит от пастуха».

— Ку-д-ли-и-и-к! — во весь дух против ветра крикнул Иван, потрясая в воздухе палкой. — Где же дисциплина? Так и знай, хитрюга, преу заявлю. Пусть он тебе вправит мозги!

Звук, очевидно, не справлялся с силой ветра, не достигал слуха соседа. Тот что-то как будто рассматривал в своих руках, стоял, как вкопанный, впереди стада; оно как будто меньше гурта Ивана, и коровы, на расстоянии выглядевшие не крупнее телят, тоже будто оцепенели. Всё это, должно быть, ещё более раздражало Ивана.

— И ухом не ведёт! — гневно сказал он. — А я ж его знаю, то он прикинулся, будто не слышит... Потом, вот увидите, будет всем хвалиться, что его коровы больше молока дают. Прожужжит всем уши о своём методе. Вот и соревнуйся с ним. Хитрый, как чёрт!

Иван зло отвернулся от своего соседа.

— Век не смотрел бы на такой беспорядок! — Уже не так шумно проговорил он и таким тоном, словно бы извинялся за свою горячность. — И кто с ним только ни ругался! Дня не проживёт без того, чтобы с кем-нибудь не сцепиться... Это ж Кудлик!

Иван сделался угрюмым, неразговорчивым, смущённо смотрел себе под ноги, точно что-то искал в траве. Ему было не по себе с той минуты, как он заподозрил, что Кудлик, нарушив распоряжение правления, украдкой запускает своё стадо в «зелёный конвейер». Ему уже не терпелось встретиться с «хитрым чёртом» и призвать его к порядку.

Стадо Ивана повернуло в обратный путь. Вот уже хорошо виден баз, куда «попасом» шли коровы. Я шагал рядом с пастухом. Иван, должно быть, уже успел продумать свой разговор с «хитрым чёртом» и теперь мог беседовать о всём прочем.

— Корреспондент явился в стадо — не поверят, если кому рассказать. Первый раз за всю мою жизнь! — Иван развёл широкие плечи, выставил грудь, молодецкато сдвинул набекрень кожаную фуражку, играющую на солнце антрацитовым блеском, и с независимым видом осмотрел свой гурт. — Значит, интересуетесь работой пастухов? Я только второй год самостоятельно работаю. Дело это, как видите, не мудрячее. Коровы ходят, пасутся — вот и всё. У меня их сто двадцать шесть, а у Кудлика — семьдесят пять... Боюсь, что около стада зря потеряете время. Через то, думаю, корреспонденты и не знают к нам дороги... А тут ещё этот Кудлик безобразничает — совсем не интересно. Что ж тут писать?

Стадо вошло в баз. От группы женщин, поджидавших гурт, отделилась стайка. Доярки быстро находили своих коров.

Голубок, как неприкаянный, ходил между коров, ревниво озираясь на доярок и наводя на них страх своим грозным видом.

— Хоть бы тебя, окаянного, на цепь взяли, — буркнул кто-то из доярок, но пастух это замечание пропустил мимо ушей: «Мало ли что бабам не по душе».

Вторая стайка доярок нетерпеливо уставилась на катавалы и высматривала свой гурт и тем временем беззлобно поносила пастуха на чём свет стоит. Кудлик пригнал своё стадо чуть ли не часом позже. Доярки встретили его «в штыки»:

— Пас бы, чумовой, сразу до вечера.

— За какие грехи такое наказание?

— Дать бы ему жизни...

— Как его только жена терпит...

Доярки выбирали слова «покрепче» но произносили их как-то весело, словно бы всё это говорилось шутки ради. А когда коровы Кудлика вошли в свободную половину база, все умолкли и старательно принялись за своё дело.

Бревенчатый баз устроен вблизи фермы. Он перегорожен на неравные половины, чтобы отдельно стояли два стада: у Ивана 126 коров, у Кудлика — 75.

Иван, навалившись всем корпусом на перекладину база, не без удовольствия слушал, как доярки склоняют «хитрого чёрта», и выжидал удобного момента, чтобы самому приступить к серьёзному разговору. А Кудлик тем временем молча исполнял свою роль: ловил Пекаря — этот «зверь» похлеще Голубка — живая огненная гора! — вскоре налыгал его цепью и привязал к столбу; иначе бык будет «блукать» по стаду и беспокоить коров, мешать работать дояркам. Он ни одним словом не откликнулся на «колючие» замечания доярок, словно бы они его совершенно не касались: «Скажи сейчас одно слово, они в тебя двести швырнут — им только попадись на зубок». Да и зачем пререкаться, когда доярки проворно разобрались, где чьи коровы и так же дружно приступили к работе, как только что «давали жизни» пастуху.

Когда уж струйки молока мелодично зазвенели в подойниках, раздался его глухой голос.

— Ну, наговорились? — насмешливо спросил он, как только доярки затихли, а потом уже вполне серьёзно, разрывая фразы, продолжал: — Доить только не спеша... Всё молоко до одной капли выдаивать... Предупреждаю: сам буду проверять... Так что уж лучше без скандала... Больше молока!

Иван снял фуражку и провёл ладонью по сухому лбу.

— Слыхали? — спросил он меня с чувством собственного достоинства. — Дня не обходится без грызни. Всё свой метод показывает, — и уже громче, чтобы услышал Кудлик, добавил: — Этот образованный пастух дояркам так надоел со своим методом, что дальше некуда...

Кудлик обеими руками ласково гладил шею Пекаря, но услышав замечания Ивана, не заставил себя ждать, тотчас подошёл. Он среднего роста, сутуловатый, на вид ему можно дать лет сорок. Лицо его покрыто крупными золотистыми веснушками. На висках — рыжие пряди спутанных волос. Он подвижной, с бойкими серыми глазами.

— Так уж и надоел? — незлобиво сказал он, на ходу скручивая папиросу из самосада. — Мой метод сам за себя скажет центнерами... И образованием, теперь, брат, не задразнишь, так что зря раскудахтался... то есть ораторствуешь... Я не знаю, что за человек с тобой, а то бы я тебе дал полный ответ.

— Нет, не зря! — запальчиво произнёс Иван; он, видимо, решил, что настало самое подходящее время для объяснения. — Сегодня я изучил твой метод. Думаешь, я слепой! Где ты пас своё стадо?

— Как где?

— Ничего не знаешь? Ох, и хитрый же ты, Кудлик! Вот когда я тебя раскусил!

Кудлик недоуменно, дымя цыгаркой, затоптался на месте.

— Говори толком, — допытывался он, обескураженный горячностью Ивана.

— Соревноваться надо честно! Вот и весь мой толк.

— Только честно, — согласился Кудлик. — А кричать нечего: коров доят, а им покой нужен, если ты хочешь знать мой метод.

— На словах ты, Кудлик, ангел, а на деле хитруешь, как... Ишь, ты, он на коровий покой кивает! Только твоя хитрость такая же, как у моей... Зорьки. А, ну-ка, скажи, зачем стадо пустил в зелёный конвейер? Так и знай, самому преду расскажу, какой у тебя метод!

— Сходи к главному врачу, — серьёзно посоветовал Кудлик. — Или хорошо протирай глаза, когда собираешься смотреть.

— Та что ты мне говоришь! — досадовал Иван. — Не один же я видел. Со мной был корреспондент!

Никто и не заметил, как к спорящим приблизился мужчина (богатырского роста, широкий в плечах. Он на противоположной стороне база прибывал бревно, а освободившись, явился на шум. Это заведующий молочной фермой Василий Фокович Казьменко.

— Шо тут за крик?— густой бас Казьменко звучал спокойно и властно.— Уже завелись?

— А ещё образованный! — с новой силой выпалил Иван, видимо, ободрённый присутствием заведующего; его распирали ярость.— Вот, полюбуйте своим Кудликом: он в зелёном конвейере разбирается не хуже... чалой Зорьки!— Иван обратился к Казьменко. — Распоряжение правления, Фокович, для всех обязательно? Или учёному Кудлику привилегия?— И снова к Кудлику:— Мог бы, кажется, соблюдать порядок!

Кудлик всё время порывался что-то сказать, но ему мешали, и он только махнул рукой: «Мелет, чёрт знает что!»

— Какие ж вы горячие,— сказал Казьменко с невозмутимым спокойствием. Его крупное лицо, густо испещрённое мелкими впадинами когда-то перенесённой оспы, не выражало ничего, и можно было принять его поведение за равнодушие к спору пастухов.— Чуть шо — сразу крик. А разберёшься, и балакать нема про шо.

Иван шумно рассказал о случае, который его так взволновал.

— А потом будет перед всеми центнерами хвастаться!— он резким движением руки надвинул козырёк щеголеватой фуражки на глаза.

— Да откуда ты взял, что я пас стадо на посевах?— Кудлик удивлённо вздёрнул плечами. Говорил он отрывисто, комкая фразы, точно опасаясь, что ему помешают высказаться.— Померещится человеку... Я честно соревнуюсь! Пас я не по пшенице, а на обочине зелёного конвейера. На том поле долго не было скота. Очень хорошая трава! И то поле дня через два будут распахивать под озимку. А я пораньше выгнал с база своё стадо и аж туда дошёл. А ты расшумелся...

Казьменко испытующе, но всё так же спокойно, посмотрел то на одного, то на другого.

— Сам бес не угадает, кто тут правый, а кто виноватый,— его смуглое лицо вдруг осветила невозмутимая усмешка.— Неначе петухи: сцеплются ни за шо. И не поглядят, шо рядом посторонний человек.

— На том поле я так нагрузил коров — будет молочко!— уже более спокойно сказал Кудлик.— А чего ж траве зря пропадать? Каждую травинку надо пускать в дело... Вы послушайте, как молоко звенит. Надо же разбираться, куда стадо гнать.

— На том поле коровы бока не набьют,— возразил Иван.

— Представь себе, что да!— подчеркнул Кудлик.

Тем временем доярки, обслуживающие стадо Ивана, управились со своим делом, образовали кружок вокруг учётчицы, низкорослой толстушки лет тридцати, Марии Стасенко. Как всегда, больше всех надоили Анна Морозова, Мария Колесова, Антонина Гриценко. Но по стаду в целом удой явно снизился. Причина для всех была ясна, и доярки молча расходились по домам.

— Без зелёного конвейера молока не прибавится,— сказала Антонина Гриценко, опытная доярка, рослая и статная женщина лет тридцати пяти.— Значит, надо начинать пасти коров ночью.

Иван, резко повернувшись на голос доярки, зашагал к учётчице. Слышно было, как он там снова, будто оправдываясь, рассказывал о «хитром чёрте» Кудлике.

Ошарашенный незаслуженным упрёком, Кудлик ожидал вмешательства заведующего, чтобы тот унял обидчика. Но Казьменко, похоже, не имел такого намерения.

— Некому на ферме порядок навести!— раздражённо сказал Кудлик, его веснучатое лицо, и без того красное, теперь пылало жаром, в котором бесследно расплавились конопатины и, сутулясь сильнее обычного, он ушёл к своему стаду.

Казьменко задумчиво сощурил глаза, не теряя обычного своего спокойствия, и внимательно посмотрел вслед пастуху, потом хозяйским взором окинул просторный баз.

— Слушайте сюда!— густой бас заведующего властно прогремел над базом с таким расчётом, чтобы слышали оба пастуха.— Ще кажу: худобу держать на катавалах, а в конвейер не пускать

до распоряжения. И шо б полный порядок... Ясно? Нияких скандалов!

Заведующий пригласил меня зайти в конторку фермы, до неё от база было метров сто.

По пути до нас доносился голос Кудлика:

— Чисто выдаивайте,— требовательно, точно у него и в самом деле на учёте каждая капля молока, говорил он, переходя от одной доярки к другой. — В последнем стакане молока жиру, как в сливках... Хорошо подоить корову — это до капли взять молоко!

Казьменко замедлил свой саженный шаг то ли для того, чтобы расслышать слова Кудлика, то ли потому, что сам походя что-то хотел мне сказать.

— Поняли? — доверительно спросил он, хитровато улыбаясь.— Центнеры заедают Ивана. А сам же ещё хитрее Кудлика! Вышукует причину, чтобы оправдаться. Так он за конвейер зачипываясь... Чертовщина! Не первый раз Кудлик его обгоняет и на конвейере и на катавалах. Главное — молоко, а не балачки!

...По узкой лесной дороге из ясеновой рощи, как сумасшедший, выскочил ишак, запряжённый в низкую, но широкую двуколку, на которой стояли две пустые металлические фляги.

— Яшка наш действует,— улыбаясь, сказал Казьменко, кивнул головой на осла, прозванного «Яшкой». — Зараз буде цирк... Ось поглядить!

— Ты дывьюю, який скаженный,— комментировал Казьменко, приостановившись.— Ну, сказано, ишак...

Фляги, погрохотав на двуколке, разлетелись в разные стороны, звякая о землю.

Клавдия, давнишняя телятница, лет двадцати семи, с вечно озабоченно-серьёзным выражением продолговатого лица, в чистом белом халате, похожая на медицинскую сестру из родильного дома, со зло сжатыми губами, но со смеющимися глазами, беспомощной походкой приблизилась к Казьменко.

— Фокович, когда же заберёте от нас эту паршивую скотину?— требовательно проговорила она, видно, возвращаясь уже к изрядно надоевшему разговору.— Это же мученье, а не работа. Телята ждут молока, а наш транспорт работает по настроению. Ну, просто наказание. Теперь час ловить его! А уже пора молодняк кормить.

— Это дело не от меня зависит,— деловито ответил Казьменко, став в полоборота к телятнице.— И шо вы мне кажете! Идуть до председателя, хай сам его ловить. Неначе б то я ему не говорил! Ото так Бурхацкий уделяет внимание животноводству. Он думает на ишаке далеко уедет. Одного коня не найдёт и машины кудысь бережёт.

Лена Курочкина, ей лет девятнадцать, с густо намазанным белилами лицом, в яркой праздничной косынке, всё время, молча стоявшая в стороне, не выдержала:

— Срамота одна, а не работа... Телятницам никакого внимания! Вот возьму и брошу это дело. Как будто в колхозе нет приличной работы для девушки! Больше терпеть не буду.

— Дай бог вашему теляти волка съест,— вполголоса отозвался, а затем повелительно сказал Казьменко:— Ловите ишака! И не рассусолюйте... Без вас бачу, шо оно такое делается. Тоже ще и воно критику на меня наводит...

Телятницы — Клавдия впереди, а Лена вслед за ней — молча поплелись собирать фляги и ловить ишака.

...Под контору молочной фермы отведён старенький деревянный амбар, поставленный четырьмя углами на большие камни. Доярки его называют «избушкой на курьих ножках». Казьменко мог войти в него, только основательно пригнувшись. Мы уселись за стол, накрытый кумачом. На нём красовался радиоприёмник «Родина». Стены амбара чисто выбелены, на них — яркие красочные плакаты о зелёном конвейере, о породах скота, об электрической дойке, о механизации сеноуборки, о культуре кормления коров, о предупреждении болезней скота.

— Музыкой интересуетесь? — гостеприимно осведомился Казьменко и потянулся было к приёмнику, но включать его почему-то не стал.— Или прямо про ферму поговорим? И це интересно... Вы не звертайте внимания на то, шо пастухи грызутся. Это

дела не тормозит. Теперь можно так сказать: ферма добре поднялась! А было у нас такое, аж вспоминать совестно.

Казьменко около двадцати лет заведует молочной фермой. Ему есть что вспомнить и рассказать. Всякое бывало. Но то, о чём «аж згадувать совестно», уже отошло в прошлое, и Василий Фокович, находясь, очевидно, в хорошем расположении духа, охотно и откровенно рассказал, каким путём «ферма добре поднялась».

II. «СМЕЯТЬСЯ БУДЕМ ПОТОМ»...

...Совсем недавно было так, что теперь даже и не верится, хотя речь идёт о начале пятой пятилетки.

С треском провалили колхозники на своём отчётно-выборном собрании незадачливого председателя-пьянчужку. Итоги хозяйственного года оказались незавидными. «Полярная звезда» осталась в долгах у государства и продукцией и деньгами. И, конечно, тощим выглядел трудодень: полкилограмма зерна начислили только за первое полугодие, а о деньгах и речи не было. На том и закончили разговор о «распределении доходов».

Невесёлое было настроение у колхозников и колхозниц. Проработали год, а результаты такие, что стыдно смотреть друг другу в глаза. Может быть, поэтому все не отводили взгляда от нового человека в колхозе, который сегодня приехал на хутор, его избрали в президиум собрания. Кое-кто догадывался, что того человека привёз сам секретарь райкома, чтобы порекомендовать председателем. Это был Иван Сафронович Бурхацкий. Догадки действительно оправдались: район «перебрасывал» его сюда из «благополучного» колхоза, чтобы поднять сильно отставшую «Полярную звезду».

Ивана Сафроновича многие хуторяне неплохо знали и до этого. Родился он в селе Казьминском, в семи километрах от Мищенского, в семье батрака. Отец его чабановал у местных богатеев, всю жизнь пас помещичьих и кулацких овец. Да и сам он многие годы проходил с герлыгой за чужими отарами. Суровая доля сделала бедняцкого парня задумчивым и неразговорчивым, улыбка на его лице была погашена в бесприютные детские годы. Уже парубком он всей душой и сердцем встретил Октябрьскую революцию. А в памятный «год великого перелома» был активным организатором колхозов, не жалея своих богатырских сил в борьбе за новую жизнь. С тридцатого года председательствует, «ставит на ноги» то одну, то другую артели Прикубанья.

И вот Иван Сафронович сидит в президиуме собрания колхозников «Полярной звезды». Сидит он, одетый в суконный пиджак поверх солдатской гимнастёрки, безмолвно, не шевельнётся, его бледнорозовое, с правильными чертами, без единой морщинки лицо здоровяка словно окаменело, нижняя губа чуточку выдвинулась и зажала верхнюю, а крутой подбородок, какие бывают у волевых людей, слегка выдался вперёд. Только колючие серые глаза, маленькие и глубоко сидящие, «жили» — будто сверлили людей, сидящих в зале. Изредка Бурхацкий могучей рукой касался коротко подстриженных русых, ещё не тронутых сединой волос, которые без того лежали аккуратно, гладко зачёсанные на бок. Слушает он ораторов, а сам, видно, думает о чём-то своём. Потом-то люди дознались, что было на уме у Ивана Сафроновича: «Колхозники любят артельную жизнь, а порядка в «Полярной звезде» нет. Отсюда все качества... Урожайность низкая, скота мало, держать его негде — старые помещения долго как следует не ремонтировались, разваливаются, а новые не строили... В закромах — пусто. На текущем счету ни копейки; только долги... Трудная работа предстоит! Придётся всё переделывать, начинать с начала. Бывало и потруднее... Вытянем!»

Когда прения, шумные и резкие — ох, и досталось же пьянчуге, что довёл колхоз до «пикового положения!» — подошли к концу, собрание захотело послушать, что скажет их будущий председатель.

— Ивану Сафроновичу слово!

— Просим высказать мнение...

А Бурхацкому говорить речи — нож острый! Недолюбливает он «говорильню» и болтунов. Сам без большой нужды никогда не выступает, разве что с годовым отчётом. И на заседаниях правления не бывает многословным. Разговор обычно ведёт только о том, что и как надо делать.

И вот весь зал притих, слышно дыхание — народ ждёт его слова.

Иван Сафронович встал с места, к которому, казалось, прирос, трибуна ему до пояса, обвёл сверлящими глазами зал, тяжело вздохнул. Через минуту люди слышали его голос, а он такой тихий, женского тембра — как он не соответствовал его богатырской фигуре!

— Что я вам могу сказать?— начал он при глубочайшей тишине зала.— Что было,— то прошло, что есть — всем видно, а что будет — увидим...

По залу прокатился смешок.

— Смеяться будем потом, когда получим по три килограмма зерна и по пять рублей деньгами на трудодень,— сказал он всё так же тихо, но его слышали все очень хорошо.— От нашей старательной работы должна засиять «Полярная звезда».

Он вернулся на своё место, приняв прежнюю позу.

Не такой речи ждало собрание от кандидата в председатели. Многие остались недовольны выступлением Бурхацкого. И что это за слово — какие-то загадки! Кое-кто даже вслух выражал свои опасения:

— Как бы этот голова не оказался ещё почище того...

— Не хочет с людьми разговаривать...

А один заплетающимся языком, ещё пооткровеннее сказал:

— Променяем, братцы, кукушку на ястреба. Попомните мои слова!

Собрание вёл недавно демобилизованный чернявый старший сержант артиллерист, на вид лет двадцати шести, с весёлыми карими глазами, с живым, ещё по-мальчишески улыбчивым лицом. Это «как облупленный» всем известный на хуторе Пётр Павлий. Его недавно коммунисты колхоза избрали своим секретарём. Он постучал карандашом по графину с нетронутой водой. Это сам Павлий украсил стол президиума новой кумачовой скатертью, поставил два горшка цветов и для полного порядка, как это бывает на всяком хорошо организованном собрании, поставил в центре стола графин с водой. Но из него, к удовольствию секретаря, никто не пил, чтобы не нарушить «картину», а все, кому хотелось пить, выходили в коридор и там черпали кружками из пятиведерного цинкового бачка.

— Товарищи колхозники,— произнёс Пётр Павлий, улыбаясь.— Шумно у нас... Призываю всех к порядку! Иван Сафронович поработает с нами, тогда скажет больше,— он повернулся лицом к Бурхацкому.— А сейчас нам всем надо договориться, как быстрее изжить недостатки. Об этом здесь многие уже говорили.

Бурхацкий еле заметно качнул головой.

Замечание секретаря партийной организации несколько разрядило атмосферу недоумения, вызванную выступлением Бурхацкого. Ведь колхозникам вовсе не безразлично, кто у них будет головой! А этот как-то сразу же замысловато повёл речь и точно весь каменный. Иди — узнай, что у него на уме. Ну, хотя бы улыбнулся!

Председателем Бурхацкого всё же избрали. Речь речью, а это такой человек, которого, слышно, казьминцы криком кричали — не хотели отпускать от себя. Да и всю жизнь он по воле районных организаций «кружит» в председателях вокруг Мищенского. Земля, как говорится, слухом полна, а только такой молвы, что Бурхацкий где-то там сплоховал,— никто не слышал.

И вот Иван Сафронович начал действовать, чтобы «засияла «Полярная звезда». Первый год, как и следовало ожидать, был особенно тяжёлым.

Люди хутора Мищенского примечали, что Иван Сафронович Бурхацкий каждый раз в глубоком раздумье собирался на какое-нибудь совещание в райцентре и ехал в село Ольгинское «без интереса», а возвращался домой «мрачнее тучи».

По этому поводу колхозники между собой обменивались мнениями.

— Должно, нагорело нашему преду.

— За животноводство опять распекали.

Заведующий молочной фермой вообще побаивался Ивана Сафроновича, а в такие минуты он предпочитал и вовсе на глаза председателя не попадаться: «От греха подальше, когда голова не в духе... Та чи бувае ли он в духе? Побалакает — неначе киятком обкатит! И хотя бы крикнул или выругался. Сдаётся, легче было бы! Так нет же. Як подывытсы... И всё тихими словами говорит. Та так, шо достаёт аж до печёнок».

Ивану Сафроновичу было от чего пребывать «не в духе». На районных совещаниях он садился в задних рядах, сгибался над спинками передних стульев, чтобы не видели люди его стыда. Как будто он один виноват во всём, что в «Полярной звезде» всё ещё не ладятся дела! Такая уж натура у Ивана Сафроновича: «Принял колхоз — нечего валить на предшественников, отвечай сполна за «ход дел» и за всё «наследство».

В районной сводке хуторской колхоз довольно прочно занял первое место по... падежу скота и низкой продуктивности. И уже при Бурхацком, чего никогда в его жизни не бывало, пала почти целая отара. Дошли и телята. Коровы давали молока, как козы. Предшественнику-пьянчужке некогда было делами заниматься, запустил животноводство. В крае специально обсуждался вопрос «О неудовлетворительном состоянии ферм «Полярной звезды». Теперь всё спрашивается с Ивана Сафроновича Бурхацкого.

И вот однажды, после очередного бурного заседания в райцентре Ольгинском, председатель хмурый и молчаливый прямо из района на тачанке завернул на ферму. Казьменко, увидев Ивана Сафроновича, засуетился: «Ни в правление, ни домой не забегал, а напрямик до фермы... Достанется мини, як куцему... Весь жар на мою шею!»

Бурхацкий ростом не уступает Казьменко и почти одних лет с ним, только более подтянутый, подвижнее, с быстрыми, пронизательными глазами.

Председатель зажал подмышкой потрёпанную полевую сумку и уныло наблюдал, как пастухи с база выгоняли коров.

Казьменко заискивающе на ходу бросил «доброго здоровья» Ивану Сафроновичу, а сам с неожиданным проворством для своей тучной и медлительной фигуры заспешил к пастухам и там громко отдавал им распоряжения.

— Слушайте сюда!— преувеличенно серьёзно наставлял он Ивана Ковалёва и Петра Шаталова, удивляя пастухов своей прытью.— Берите в головы мои слова! Коров гонять не как-нибудь, а с толком, с умом. Это вам не той, як його...— Казьменко украдкой косил глаза на председателя и ещё пуще разносил подчинённых.— Пастухи! Краше всего я сам на местности вам растолкую, як треба за коровами ходить...

С этими словами Казьменко вместе с пастухами уже было направился на катавалы. Конечно, чтобы избежать разговора с председателем.

— Постой!— устало произнёс тихим, но требовательным голосом Иван Сафронович и взмахнул полевой сумкой в сторону Казьменко, который только по сумке понял, что к нему обращается Бурхацкий.— У меня к тебе есть дело. Серьёзное.

Казьменко мгновенно, словно ждал этой команды, приостановился и медленно, с отчаянием в глазах повернулся к председателю: «Ну, здаётся-таки, попал под горячую руку... Ось, зараз, як тому ишаку, мини достанется».

— Вот какое у меня дело: ферма, Василий, подводит. Ты это чувствуешь? — глухо говорил председатель, глядя на стада коров, которые, чуть ли не рысью, понуждаемые к тому пастухами, поднимались на катавалы.— В районе было совещание... Если бы ты знал, как ферма подводит! Поверишь, стыдно людям в глаза смотреть! Так вот я и хотел с тобой поговорить: до каких пор нас будут склонять? Ты смотри, что получается: полеводство хорошо пошло на лад, по урожайности хлебов мы догнали передовых.— за двадцать центнеров перевалили... Ты думаешь о том, что нам делать с животноводством?

Говорил Иван Сафронович, как всегда, тихо и рассудительно. Ни одного громкого слова, ни выкрика. Только шея сильнее обычного покраснелась. Просто удивительно, чем он приводил в трепет Казьменко, и не только его одного.

Это, конечно, был не первый разговор, когда председатель высказывался о плохом состоянии фермы. В таких случаях Казьменко чаще всего отмалчивался, хотя у него всегда имелся готовый ответ, выношенный за долгие двадцать лет заведывания фермой. И сейчас он склонен был безропотно выслушать его упрёки: «У председателя должность такая: руководить — требовать». Но и на этот раз Иван Сафронович «не срывал свою злость», а говорил так, будто советовался. Эта манера Ивана Сафроновича беседовать с людьми и настораживала и подкупала на откровенный разговор. И Казьменко, наконец, набрался храбрости и «излил душу»:

— У коровы молоко на языке!— сказал он небывало взволнованно.— И ребёнок про то знает. А яки у нас корма? Интересно мне знать, об этом балачки булы на совещании? Хиба забулы, шо на нашей земле только бугры та кручи не распаханы. Та и там в июле всё выгорает. По катавалам одни голыши. Так они ж не съедобны. И на прошлогодней соломе коровы не понаидають бока! Ну, и падёж... А про то вспоминали, як зимует скот. Под открытым же небом, считай, стоят коровы! И воны протянут ноги, як оти овцы. Теперь сами рассудите: откуда ж взяться молоку? Опять же и так ще подивиться: був бы скот породистый, ну, тогда иной разговор. А то ж — ни роду, ни племени,— Казьменко ободрённый тем, что его внимательно слушает председатель, говорил всё с большим «нажимом».— Та нашу худобу, Иван Сафронович, день и ночь мармеладом корми, а молоко не потечёт! Я двадцать лет крутюсь на ферме — вже придивывся. Та шо балакать — не будет дила с такою худобою!

Несколько минут помолчали. Иван Сафронович, должно быть, нарочито не перебивал Казьменко, не вступал с ним в спор, чтобы дать ему высказаться до конца. Но заведующий фермой сказал всё, что было заранее всею его практикой заготовлено, и умолк. Он ожидал, что сейчас председатель начнёт ему «заливать сала под шкуру». Но Бурхацкий заговорил всё тем же спокойным тоном.

— Тебя, Василий, послушать, так можно подумать, что во всём виноваты коровы,— раздумчиво сказал он.— Было время, чего греха таить, и я на такой же манер рассуждал. А люди нам подсказывают, что и от этого поголовья можно больше пользы добиться. Согласен? У соседей же получше дела: хвалятся на совещаниях. Ты правильно говоришь, что надо скорее разворачивать строительство стандартных коровников. Ясное дело: корма улучшить... Только задача перед нами какая? Сейчас требуется повысить продуктивность животных. Конечно, и племенным скотом постепенно обзаведёмся. А на совещании вот такой был разговор: нам с тобой надо мобилизоваться и людей нацелить — без этого животноводство не поднять!

Казьменко рассеянно слушал Ивана Сафроновича, а когда тот окончил, не задумываясь, выпалил:

— Всё это мы уже слышали! Стари балачки. Та разве ж я противник того, шоб коровы, повыздыхалы б воны, молока прибавили? Их кормить треба! Вот шо я скажу.

Заведующий фермой скоро дознался: председатель колхоза сказал не всё, что было у него на уме. До Казьменко доходил слух, что Бурхацкий о том же разговаривал в МТС, с пастухами, членами правления, доярками, бригадирами.

Всем хуторянам известно было, что в эти дни Иван Сафронович чаще обычного заходил в комнату секретаря парторганизации.

Кое у кого этот факт вызывал удивление: такой «гордый» и вроде нелюдимый председатель, будто подружился с молодым человеком — Павлием! Конечно, они коммунисты, в одной парторганизации состоят,— а это людей самого различного возраста и положения сильно сближает. Всё это так. Но характер Бурхацкого очень отличался от характера Петра Павлия, такого весёлого, общительного, жизнерадостного. Да ещё секретарь в два раза моложе председателя.

Так вот зайдёт, бывало, Иван Сафронович к Павлию, и подолгу о чём-то они совещаются. А то возьмут да на тачанке и поедут вместе по полям, на фермы. С секретарём парторганизации Иван Сафронович будто становится разговорчивее. Даже поспорят о чём-нибудь, а действуют сообща!

И частенько можно было застать то у Бурхацкого, то у Павлия старейшего колхозника, одного из организаторов «Полярной звезды», бессменного заведующего хатой-лабораторией, колхозного опытника Артёма Ивановича Максименко.

Однажды — дело было в первую весну после того, как Бурхацкий принял «Полярную звезду» — между председателем и секретарём зашёл такой разговор:

— Ты, Петро, видел наши пары?

— Да, Иван Сафронович, заросли они основательно. Казь-минская МТС не успевает их держать в чистом от сорняков состоянии.

— Я не про то. Хотя про то же. Смотрю я сегодня на пары, а они уже все чисто заросли бурьяном. Живучие дикари! Смотрю и думаю, а не посеять ли нам на тех парах овёс с ячменём? Это же будет лучше, чем брица, а попозже там ещё пойдут вьюнок, лебеда, щирца. Четыреста гектаров! Посеем, а в июне, ещё до жатвы, скосим ту смесь — сена будут горы. И прекрасный получится корм! Сенокос нам вести, ты сам знаешь, негде, хотя райзо и дало нам задание убрать триста пятьдесят гектаров «сенокосных угодий». Район, наверное, Сухую балку считает за луга. А про то забыли, что там когда-то, ещё до войны, был свиновхоз «Молот», Краснодарского края. Там до сих пор сохранились траншеи и ямы силосные, фундаменты построек. Пасти скот там ещё можно, а заготавливать сено — послать бы туда планировщиков из райзо... Вот я и придумал: занять пары! Как ни скупое с техникой у нашей МТС, а всё же не так, как раньше было, богаче стали. Скосить и убрать ячмень с овсом успеем до жатвы и снова распашем ту землю... Получится нечто вроде полупара или занятой пар. Подбросим туда удобрений и не хуже чёрного пара получится. Артём Иванович от имени хаты-лаборатории голосует за это дело. Ну, а ты как? А?

— Нарушение агротехники, севооборота. Шею намылят! Хорошо, как выговором отделаемся... А попробовать, признаюсь, соблазнительно! Артём Иванович во вред не посоветует. Землю он знает так же, как хлеб насущный. Была — не была...

— А ты думаешь, всю жизнь прожить без выговоров? В сельском хозяйстве это трудно. Разве слаще выговора за падёж, за низкую продуктивность скота, чем за использование паров? Без риска хозяйство не поведёшь. Рискнём?

— Может быть, лучше в районе поговорить?

— Без шума... Я же знаю райзо: всё поломают, ещё и на смех поднимут, на совещаниях будут склонять. И дела не сделаем, а в дураки попадём! Пусть потом узнают... Засыпемся, тогда уж пусть и выговора дают. Хоть будет за что!

...Райзо-таки разузнало, но поздно: сытой была очередная зимовка скота и урожайность озимой пшеницы по занятому пару вышла не хуже, чем по чёрному пару. Покачали головами райзовцы, а хода «делу» не дали: слабые «козыри» были в их руках — «нарушение с... улучшением».

В другой раз Иван Сафронович и Павлий вместе объехали все животноводческие помещения, долго ходили по опушке ясеновой рощи, поднимались на катавалы. Затем, через несколько дней, когда были взвешены все возможности и подготовлен вопрос, состоялось партийное собрание, за ним — заседание правления.

Коммунисты и активисты колхоза сошлись на мысли, что об очень важной отрасли ещё никто по-настоящему не заботился. Они коллективист разработали план развития животноводства и строительства ферм. И для всех было ясно, что даже самый хороший план может превратиться в пустую бумажку, если не мобилизовать колхозников на проведение его в жизнь. Лучших людей колхоза послали на животноводческие фермы. Среди них коммунисты: животноводом — Пётр Бугриев, заведующим СТФ — Степан

Ожогов, чабанами — Константин Хомяков, Николай Литвяков, Иван Заика; многие комсомольцы пошли на фермы, среди них — доярка Анна Морозова.

И колхозники с небывалым воодушевлением окружили заботой молочную и все другие фермы.

...Теперь о хлопотах той поры хуторяне вспоминают, как о делах давно минувших дней.

Интересная история! Земли в колхозе не прибавилось ни на один метр. Поголовье в породном отношении не изменилось. А ферму сейчас не узнать!

Какие же произошли перемены? Их много. На краю хутора, между опушкой ясеновой рощи и подножьем взгорья — катавал появились два хорошо оборудованных типовых коровника. Животных перевели из саманных «завалюшек» под камышом в просторные, светлые и тёплые помещения, накрытые черепицей. Молодняк размещён, среди рощи в благоустроенном телятнике.

Потянулись люди на фермы, туда, где «сам Бурхацкий торчит днём и ночью, куда зачастил Павлий». Это он из правления перенёс в амбар радиоприёмник, развесил плакаты, беседует с доярками, пастухами, организовал социалистическое соревнование.

И людей не узнать! Никогда прежде хуторяне не проявляли столько раядения о своих фермах. Колхозные животноводы вволю обеспечили скот питательным кормом; тёплой и сытой стала зимовка.

А как поднялась продуктивность поголовья фермы! В прошлые годы, например, от каждой фуражной коровы не надаивали и по тысячи литров молока. Теперь же удой удвоился. Все обратили внимание на то, что в зимние месяцы достигнут уровень надоя молока, равный весенне-летнему.

...В это время из района позвонили, чтобы кого-нибудь из колхоза послали в краевую школу руководящих кадров. Бурхацкий, скрепя сердце, сразу назвал Павлия.

«Хоть и труднонато без него будет,— рассуждал председатель,— зато через два года в колхозе будет свой опытный специалист. А абы кого посылать — это дурочку надо бросать».

И Павлий уехал на учёбу.

Казьменко обо всём этом рассказывал так, словно речь шла о далёком прошлом: да, мол, когда-то не верилось, что можно в течение двух-трёх лет достигнуть такого взлёта.

— Долго не забуду тот разговор с Бурхацким,— добродушно улыбаясь, промолвил Казьменко.— Иван Сафронович до меня с думкой про подъём животноводства, а я ему про худобу... Побалакали! Только теперь мы уже получаем на трудодень по три килограмма зерна; правда, насчёт денег пока слабовато — рассчитуемься с долгами, та строимься... А председатель ни разу ще не засмьялся! Может, потому, шо пока меньше пяти рублей приходится на трудодень? Чудной человек...

III. МЕТОД КУДЛИКА

В конторку заглянул Кудлик.

— Фляги грузят на подводу,— сказал он Казьменко, и сел поближе к радиоприёмнику.

Казьменко вышел присмотреть за отправкой молока на завод в село Казьминское.

Кудлик выхватил из подмышки какую-то книжку и положил на стол, прижал её локтем и включил радиоприёмник.

— Послушаем, о чём поёт Москва,— он прильнул к «Родине», а сам весёлыми глазами дал понять, что и меня приглашает.

Из Москвы передавали статью какого-то учёного о выгодах стойлово-лагерного содержания общественного продуктивного скота, которое имеет особое значение в районах с небольшим количеством пастбищ. Пастух сосредоточенно дослушал статью до конца и задумался.

— Всё это правильно,— сказал он таким тоном, будто чего-то ещё ждал в статье, но так и не дождался.— Всё о системе содержания... Ничего не скажешь — умный разговор. Хороший специалист статью писал, знает дело. Очень много разговора о том, что, мол, надо всемерно поднимать и развивать животноводство.

Больше скота и выше его продуктивность! И это правильно. Но и о нас же забывать нельзя. При всякой системе самое главное — люди. Без разумного подбора животноводческих кадров и воспитания их, чтобы они сознательно решали важнейшую задачу, животноводство быстро не поднять. И в первую очередь внимание— пастухам! В их руках целые дни находятся гурты, отары, косяки; от них зависит здоровье, размножение, продуктивность и вообще благополучие животных. Да... Мы по существу уже применили лагерное содержание скота. Летний баз — около фермы. Тут же и выпаса, и зелёный конвейер... Нам бы в колхоз образованных животноводов прислали — был бы толк! А то ни зоотехника, ни ветеринара. Казьменко давно работает на ферме, но он ни одного дня нигде на курсах не был. Так он неплохой человек и опыт имеет, но малограмотный. И это уже начинает тормозить дело. Он и сам это с каждым годом всё сильнее чувствует, но ещё храбрится и будто руководит... Вот скоро из краевой школы должен вернуться наш парняга, тот бы потянул. Может, слышали в Ставрополе про такого — Павлий ему фамилия?

Мимо амбара-конторки с песней прошли доярки. Звонкие голоса складно пели о девичьей любви и недогадливом парне.

Пастух оборвал свою мысль: то ли внимание его привлекла песня, то ли размышлял о чём-то своём. Когда голоса доярок отдалились, он снова оживился.

— Слыхали, как наши девчата поют?— гордость звучала в его голосе.—А от стада Ивана — заметили? — доярки тихо по домам разошлись. Когда много молока надоишь — петь хочется! Но почему так: сколько слушаю радио, ни разу я не попадал, чтобы о пастухе рассказывалось. И в газетах, и в книгах пастуху, ну, прямо не везёт. Как будто стадо само ходит...

Кудлик широко раскрытыми, в белесых и чуточку рыжеватых ресницах, глазами посмотрел на меня и точно спрашивал: «А вы как про это думаете?»

— Удой в моих руках!— сжав пальцы в кулак, энергично заявил он, будто продолжал давнишний спор.— Захочу, чтобы моё стадо дало больше или меньше молока — так и будет... Вот что такое пастух! А о нём частенько забывают...

Пастух говорил напористо и, как всегда, торопливо. Это была взволнованная речь, содержание которой, видимо, вынашивалось годами. И только когда фельдшер Кудлик сам стал пастухом, его «прорвало».

— Признаться, я больше склонный до овец,— продолжал он.— Когда Бурхацкий заступил у нас председателем и взялся за животноводство, я ему и говорю: «Дайте мне отару — будет и приплод, и шерсть!» А он ни слова не сказал в ответ, только глазами повёл на меня... Потом я к нему в другой раз: «Тянет, Иван Сафронович, к овцам!» А он мне в ответ: «Фельдшер нужен для всех отар, гуртов и косяков». И только, когда его в районе за низкую продуктивность коров как следует поприжали, сам мне сказал: «А, ну-ка, товарищ Кудлик, бери стадо и покажи».

Амбар наполнила какая-то симфония, которой, казалось, не будет конца. Кудлик выключил радиоприёмник.

— Многим кажется: быть пастухом — плёвое дело,— задорно продолжал он,— Надо, мол, вооружиться здоровенной палкой с увесистым набалдашником да не стесняться кричать до хрипоты. А ты сделай так, чтобы стадо тебя слушалось, кучно держалось, спокойно паслось. Это уметь надо! Я, например, иду впереди стада, без крика сдерживаю рвущихся вперёд коров. Им ласка нужна, а не палка. Помните слова Михаила Ивановича Калинина о том, что нигде не требуется столько любви и внимания, кроме ухода за людьми, как в животноводстве? У меня коровы постепенно привыкают к порядку: держатся собранно и спокойно, поедают ту траву, какая под ногами. И я чувствую, что

стадо в моих руках. Есть у меня в руках какая-нибудь книга, и я спокойно читаю... Другой пастух идёт сзади или сбоку стада, а потом бежит за каждой непослушной коровой, дерёт горло на всю степь, палкой орудует. Коровы пугаются, шарахаются, нервничают, бегают, вместо того, чтобы заниматься своим делом — есть траву. У коров всё это вызывает беспокойство и они убавляют молоко.

Пастух пересел ко мне поближе.

— Или вот такой вопрос: сколько раз и когда поить коров?— лицо Кудлика осветила хитроватая улыбка.— Я много читал книг. Вот сейчас ознакомился с книжкой Штеймана «Совершенствование молочного стада». Всё разные толки. Одно ясно, что, как в песне поётся: без воды и ни туды и ни сюды. Вода большую роль выполняет в жизни организма. Ткань или лимфа без воды не образуется. Корм без воды не переварится. А сколько воды в молоке? Вода нужна даже для того, чтобы охладить организм. Вот тут и соображай, пастух: сколько раз и когда лучше погнать стадо на водопой?

Кудлик всем своим видом давал понять, что не такое, мол, простое дело в руках пастуха, много нужно знать о животных, чтобы успешно решать задачу повышения продуктивности.

— Оказывается, как поить коров, тоже надо знать и делать с умом,— развивал он свою мысль.— Я лично придерживаюсь такого метода. На рассвете, сразу же после утренней дойки, гоню стадо на водопой. В водоёмах наших вода родниковая, вкусная. Коровы охотно вволю напьются, желудки их от воды расширяются. Да ещё трава на зорьке с обильной росой. Животные аппетитно пасутся. В это время какая корова даже если, бывает, и сглотнёт какой-нибудь негожей травы куст, её вредное влияние рассосётся в большой массе воды. И меня уже меньше тревожит, что приключится тимпанит. В полдень возвращаюсь на баз, заметьте, не заходя на водопой. Потому что, если перед обеденной дойкой напоить коров, жирность молока непременно снизится. А это же нам не интересно. Зачем лишнюю воду возить на маслозавод! И жирность молока от коров моего стада всё время выше, чем от гурта Ивана. Второй раз на водопой гоню после обеденной дойки. И снова скот жадно пасётся. Третий раз пою, уже когда возвращаюсь на баз перед вечерней дойкой... А другие наши пастухи гоняют стадо к водопою, когда им только вздумается, или, когда сами коровы того пожелают, возьмут и припустят к прудам, а пастухи плетутся сзади стада. И не поймёшь: кто тут кого пасёт?

Кудлик чему-то улыбнулся, а потом снова стал серьёзным.

— Или вот, заметили, как у нас идёт дойка коров? — спросил он, в упор глядя мне в глаза. В его взгляде было что-то испытующее, точно он проверял, что я думаю о его методе и о споре пастухов на базу.— Дойка — это важнейший момент. В это время ничто не должно отвлекать ни доярку, ни корову. Абсолютная тишина и покой! Всякая корова очень отзывчива на нежное обращение; за ласку она всё отдаст. А Иван как поднимет шум! И бугай у него мутит стадо.

Через открытую дверь амбара послышался голос Казьменко.

— Директору, мабуть, здаётся, шо мы тут з водоёмов зачерпуем фляги,— сказал он.— Через то ему не ясно, почему убавилось молока. Про це я ему по телефону вже объяснил.

— Всё равно опять будет ко мне приставать: почему привёз десять фляг, а не четырнадцать?— твердил своё, должно быть, ездовый, доставлявший молоко на завод.— А скоро снова на зелёный конвейер?

С база доносился рёв коров. Кудлик насторожился.

— Ишь ты, и ездовый Григорий Кулинский интересуется зелёным конвейером! — заметил он.— Конечно, ему неловко являться на маслозавод с незагруженной подводой.

— Хай той директор припомнить, сколько в минувшие годы получал от нас молока,— спокойно ответил Казьменко молоковозу.— Тогда не будет кипятиться... А когда пустим коров на зелёный конвейер,— ще побачимо.

Спустя минуту, с улицы снова послышался разговор.

— Вот оно что значит корм для скота,— невесело заключил Иван. Его гулкий голос отчётливо узнавался.— Кто, как Кудлик, гоняет стадо на зелёный конвейер, у того и молоко. Может быть, и ночью начать держать стадо на пастбище?

— Та чего ж коровам на базу отлеживаться з пустыми животами,— не задумываясь согласился Казьменко.— Хиба ж ревут коровы, як ясли полные. Догоняй Кудлика!

Кудлик, прислушиваясь к голосам, даже закрыл глаза, должно быть, чтобы вернее представить себе сцену объяснения Ивана с Казьменко.

— Слышите?— спросил он меня и пояснил:— Иван собирается в ночь выгнать стадо на пастбище. А мои коровы ночью будут отдыхать. У меня им и дня хватает, чтобы досыта напастись. Зачем же их ещё ночью беспокоить? Корова в темноте не видит траву, будет языком искать корм по катавалам, лизать голыши. Она больше наморится, чем напасётся. Это овца берёт корм губами, а конь зубами помогает губам. Корова языком щиплет траву... Наморится за ночь, наглотаётся земли и пыли — какая уж тут польза! А теперь же день большой, ночи — всего несколько часов. И корове когда-то нужно отдохнуть, заняться своей жвачкой. Другое дело — туда к осени: тогда ночь продолжительнее дня. Осенью и я погоню в ночное. В то время коровам не придётся долго отыскивать корм: на отаве суданки или эспарцета быстро набьют животы.

Казьменко вошёл в конторку. Кудлик вопросительно посмотрел ему в глаза.

— Догадуюсь, чего ты ждёшь, — сказал заведующий пастуху.— Твоё, Кудлик, стадо опять дало больше молока. Иван не хочет пасти задних, на ночь выходит с гуртом.

Кудлик раздумялся. Это не первый случай, когда его «метод говорил сам за себя». Но всё же сообщение Казьменко и теперь приятно взволновало пастуха, хотя он сделал вид, что воспринял его как само собой разумеющийся факт. Может быть, для того, чтобы скрыть свою радость, он тотчас же возобновил свой рассказ о роли пастуха и о том, что этой важной фигуре среди работников животноводства почему-то не уделяется должного внимания.

— А вы думаете пастуху мало надо знать?— торопливо спросил он и заходил по амбару.— А разве ему не нужно разбираться, ну, хотя бы, в основах зоотехнии и ветеринарии. Очень это было бы кстати! Вот, например, что такое кормовая единица? Или как составить рацион и с чем его едят? Как же без этого работать с гуртом? Но для пастухов не организуются курсы... Можно, конечно, подучиться и в агрозоотехгруппах при колхозе или самому засесть за книги. Только пастуху труднее всех это сделать. Как-то раз завёл я об этом разговор с Иваном. А он мне: «Когда же это пастуху книжками заниматься!» И у пастуха есть для этого время. Я, например, сосредоточу стадо на каком-нибудь участке пастбища, где корм получше, а сам раскрою книжку и читаю. Конечно, то и дело посматриваю за коровами... Только не все так поступают. И многие не учатся. Ведь в нашей местности, бывает, чуть ли не круглый год скот ходит на пастбище. Не всем успешно удаётся сочетать работу с учёбой.

— Курсы пастухов,— добродушно усмехнулся Казьменко.— Я ось двадцать годов крутюсь на МТФ, а ще ни дня не був на учении. Правда, в молодые годы була думка про курсы. Тогда не пускалы: «А ферму на кого бросишь?». Зараз, считай, пятьдесят... Вже не курсант, та все заведующий. А пастухом быть, хто завгод- но управится, абы слухався.— И к Кудлику: — Так воно и ты вже не парубок, а свою думку ще не кидаеш. Послухаеш тебя, так всякий пастух должен быть, як той профессор!

Кудлик заметался по комнате.

— Почему только пастух?— Все работники животноводства должны быть грамотными, знающими людьми. А то раз в год из района заглянет зоотехник или ветеринар. Вот их бы посадить на ферму! Сразу бы поднялась животноводческая культура! И молока, и масла, и мяса, и шерсти было бы больше!

— Ишь чего захотел...

Пастух сомкнул рыжеватые ресницы, приподнял голову и заговорил мечтательно.

— Пастух... плохо ещё у нас к нему относятся. А, может быть, берут пример с Фоковича? Иду я как-то домой переменить бельё... Встретился шофёр Алексей Долгополов. И кричит: «Эй, фельдшер коровячий! Дожился, что в пастухи попал. Вот скоро тебя пошлём хвосты волам вертеть. Образованному человеку самое подходящее занятие! Была б живая твоя мать — вот обрадовалась бы сынку-пастуху». А я ему говорю: «Корова живое и умное существо, чтобы за ней ходить, надо жизненное понятие иметь, а за бублик держаться — и Яшку можно научить». Вот уж он обиделся на меня, что я про ишака нагадал! Такое загнул мне вслед.

— Ну, поехал,— Казьменко нервически зевнул, точно тем хотел сказать: «Слыхали мы эту сказку — сон нагоняет», но слова Кудлика о том, чтобы на ферму «посадить» специалиста с высшим образованием не пролетели мимо ушей заведующего.— Богато у нас ще дэ чего не хватает. Разве ж то дело ишаком возить телятам молоко? А лишнего коня нема... Це ж где их взять, зоотехников и ветеринаров, шоб на каждую ферму? Не было и не будет. Фантазия!

Казьменко вышел из амбара, должно быть, по своим делам.

— Будет!— выкрикнул ему вдогонку Кудлик.

Мы снова остались вдвоём с Кудликом. Он оторвал клочок газеты и свернул папиросу из самосада.

— Наш Фокович думает, что его царствию не будет конца. — Пастух, отчаянно дымя цыгаркой, улыбнулся. — Думает всю жизнь прожить со старым багажом. — Кудлик снова «сел на своего конька».— Нет, что б там ни говорили, а от скота многого можно добиться, если понимать его,— он произнёс это таким тоном, будто с кем-то затевал очередной спор. — Был в моём стаде страшный, как зверь, бугай Магар. Так, представьте себе, он... пас коров. С ним можно было не беспокоиться, что коровы войдут в шкочу. Магар строго следил за порядком. Как только какая сунется в посеы или сад, так он так пугнёт. Вот вам и бык! Выходит, и он от природы умственностью награждён. Пасти стадо приучал я его постепенно. И добиться этого очень просто. Вот так. Если найдёт Магар гуляющую корову, я его хорошо три раза в день кормлю овсом. Он сыт, и травой мало интересуется. В это время «влюблённую парочку» держу впереди стада, около посеов или сада, где получше трава. Его подруга пасётся, а он около неё неотлучно. Бугай ни за что не даст себя опередить ни одной корове. Когда кет у Магара пары, то овса даю меньше, и он больше пасётся. И в этом случае держу его на лучшей траве около посева, сада

или лесополосы. Тут тоже он не подпустит к себе ни одну корову. Так со временем у него и выработывалась привычка заворачивать стадо от шкочы. Сколько лет служил! При нём я спокойно мог читать книги. Жалко, что состарился: сдали в «Заготскот». Остался от него сын Тахир. Его приучаем...

С улицы снова послышался требовательный коровий рёв. Кудлик засуетился.

— Ну, мои коровки отдохнули, и я душу отвёл,— он снова зажал подмышкой книгу.— Погоню стадо по катавалам...

...В долине быстро сгущаются сумерки. Первым с катавал спустилось к базу стадо Кудлика. Здесь уже зажжены фонари «летучая мышь».

Казьменко ремонтировал рассыпавшийся ящик молоковозки: «Як ото просить кого, та кланяться всякому,— бурчал он себе под нос,— лучше самому зробыть — оно и быстрее и надёжней».

— Ты ж гляди мини, Гришка,— обратился он к стоявшему рядом молоковозу Кулинскому,— не лови ворон, як едешь, а то фляги ще порозгубишь. И вообще привыкай сам доглядать за своим рукомеслом.

Среди доярок своя беседа.

— Опять Нинки нет! — сказала Мария Колесова. Она по-старушечьи сложила руки под фартуком.— Ну, и беззаботное существо!

— А вы разве не знаете, что сегодня привезли «Возвращение Василия Бортникова»? — вставила Анна Морозова, стройная, миловидная, с комсомольским значком на груди.— Картина, говорят, очень хорошая. Это про «Жатву», что мы читали. Это уж всегда так: Нинка, как только привезут кино, забывает всё на свете.

— То вечером кино, то утром проспит,— отозвалась степенная женщина Антонина Гриценко.— А ты за неё отдувайся.

На дневной дойке я приметил Нину. Ей лет двадцать, у неё были кричаще ярко накрашены губы, лицо блестело от белил, цветастая косынка кокетливо прихватывала волосы так, что хорошо виднелись болтающиеся массивные золочёные серги, она в штапельном платье городского покроя, в туфлях с вырезанными носками; одутловатое лицо оживляют бойко бегающие чёрные глаза; ходит она вразвалку, как сытая утка; это она в обед сказала в адрес Кудлика: «И как его только жена терпит».

Кудлик не меньше доярок недоволен поведением Нинки. Недисциплинированная доярка усложняет уход за скотом. Надо, наконец, поговорить с ней построже. А то всё ей сходит, как с гуся вода. Побудет она в кино, а потом, как «та артистка» представляет что-нибудь. Сначала это подругам нравилось и они, беззлобно отчитав её за прогул, скоро забывали про этот её грешок, беззаботно прощали. Тем более, что она однажды откровенно призналась: «Когда-нибудь, подруженьки мои, надо же и замуж выходить». Но вот уже сколько времени прошло, а как говорят осведомлённые люди, «там свадьбой и не пахнет».

— Лодырь она, эта наша «артистка»,— заключила Мария Колесова.— И надо её отучить.

— «Искусством» лентяйки она вполне овладела, — поддержала Анна Морозова.

Коровы, толкаясь, заходят в свою половину база.

Теперь стадо Ивана пришло позже кудликовского.

Казьменко подошёл к дояркам; они уже вооружились крохотными стульчиками, вёдрами, полотенцами.

— Фокович, а Нинки опять нет.

— Первый раз, чи шо,— невозмутимо сказал он.

— А кто же её двенадцать коров будет доить?

— Может и за это дело мини браться? Кто-то болтается, а тоби забота.

Доярки дружно рассмеялись и разошлись к своим коровам, выкрикивая на разные голоса:

— Туча!.. Лента!.. Чайка!..

— Нарядная!.. Зорька!..

В ответ им. то тут, то там раздавался тягучий рёв выкликаемых коров: «Му-у-у»,— дескать, мы здесь.

Кудлик привязал на цепь Пекаря и с «летучей мышью» ходит по стаду, ласково поглаживает то одну корову, то другую.

— Доите, девчата, без спешки,— наставительно приговаривал он.— Кино никуда не денется. Возьмём молочко — и кто куда. Не забывайте массажик вымени делать — тогда чисто выдоится корова. На гулянку успеется... Главное всего дело!

Иван не показывался на глаза. Его новая кожаная фуражка, будто привидение, как-то раз сверкнула антрацитовым блеском и растворилась в темноте. Он, должно быть, где-то обособился, чтобы побыть наедине со своими мыслями.

Несколько позже, обходя баз, я заметил, как он •стоял, вплотную припав к угловому столбу, точно слился с изгородью база и украдкой смотрел за тем, что происходит на кудликовской половине. Увидев меня, он стал поспешно ощупывать брёвна.

— Ну, и проклятая худоба!— сказал он с поддельной злостью, вопросительно косясь на меня: «не накрыл ли корреспондент?»— Только отвернёшься, смотришь, баз разнесли... Какое же бестолковое рогатое племя!

Видно, забыл Иван, что находится он не около своего стада и что до этой кудликовской половины «разнесённого» база нет ему никакого дела. Но какой же интерес его привёл сюда?

...Он видел, как Кудлик первым делом поухаживал за Пекарем. Затем мигающий огонёк «летучей мыши» описывал зигзаги по базу, слышно было, как пастух ласкает коров, с доярками тихо, миролюбиво разговаривает.

— А вы ещё здесь?— дружелюбно обратился Иван ко мне, словно и в самом деле лишь сейчас увидел моё присутствие.— Значит, у нас приглянулось? Вот так и работаем. Интересного ещё маловато. Только вы имейте в виду, что Кудлик — это такой человек, хоть кого обведёт вокруг пальца... Был бы у нас построже заведующий, он бы приструнил «методиста». Приучил бы его к порядку,— он, должно быть, спохватился, что стоит не около своего гурта.— Вот сейчас—я уже за ним сам слежу! После обеда и Кудлик пас на катавалах... Побудьте до конца дойки и узнаете, какой он передовик. Я вечером — заметили? — не спешил на баз. И на ночь погоню пасти: коровы,— я хоть мало работаю, а заметил — сколько пасутся, столько и молока дают... А от того, кто их пасёт — дело не зависит: хоть академик или пионер. Метод Кудлика тут ни при чём. Главное — корм!

Мы с Иваном подошли к Марии Стасенко, учётчице, низкорослой толстушке. Среди пузатых цинковых фляг, окружавших её, она сама при тусклом свете «летучей мыши» напоминала грузинский винный кувшин. Присев на маленький стульчик поближе к фонарю, она что-то «колдовала» в большом журнале с множеством граф, и только изредка на голоса доярок поднимала голову, чтобы проверить замер молока.

...На вечернюю дойку вдруг приехала лаборантка завода. Вообще-то её визит не был неожиданным. Между колхозом и заводом часто вспыхивали споры о жирности молока: то один раз проценты жирности бывают намного ниже базисного уровня, то как-то сразу поднимутся, но очень редко переваливают законом установленный уровень — 3,8 процента.

И вот, чтобы разобраться, кто прав в этом вопросе, приехала лаборантка. Она с чемоданчиком, заполненным специальной аппаратурой, в ослепительно белом халате и колпаке, как хирург, явилась на баз, к стаду.

Анна Морозова первая вызвалась поставить под контроль удои от Тучи. Это «средняя» корова.

— Рая,— обратилась она к лаборантке,— давай займёмся моей Тучей.

— Туча так Туча...

Внимание всех приковано к Анне и Раисе. Доярки, выполняя свою работу, живо интересовались результатами лабораторного анализа.

Надоен первый литр — в нём жирность молока 2,6 процента. Второй литр показал — 4,1, третий — 6,5, четвёртый — 7,3, пятый — 8,6, последние пол-литра — 9,2.

— Всё!— заявила Анна.

— Всё так всё,— повторила лаборантка.

Кудлик не отходил от Тучи.

— А ну-ка, Аня, сделай лёгонький массажик вымени,— посоветовал он доярке.— И ещё подой...

— Да я всё до капли выдоила,— сказала Анна, а сама всё же послушалась пастуха.— Ну, вот, видите, и полстакана набежало.

— Жирность остаточка двенадцать процентов,— деловито сказала лаборантка.

— Вот, что значит последний стакан молока!— Кудлик обошёл всех своих доярок и сообщил результаты анализа молока Тучи.— Выдаивать до последней капли! В остатках столько жира, что он поднимает жирность всего удоя.

Кудлик уединился в амбаре и занялся какими-то вычислениями, как он потом сказал: «хорошую цифру искал». У него в записной книжке были и старые записи: по его стаду жирность молока — 4,1, а у Ивановых коров — 3,2 процента. Он расширил расчёты: в первом квартале колхоз вывез 448 центнеров молока, а завод засчитал только 408. Сорок

центнеров «чистейшей воды» перевезли с хутора в село Казьминское! За один процент недостающей жирности на каждые сто литров колхоз должен сдавать на 26 литров больше молока. Только одна десятая процента равна почти трём литрам молока. Как много теряет «Полярная звезда» от низкой жирности молока!

— Доить коров надо так вот, как Анна Морозова, тогда и зачёт молока будет выше,— заключила лаборантка.— И споров с заводом не возникнет.

— Хороший нам урок дан!— сказал Кудлик, возвращаясь из амбара. Он тут же обнародовал свои расчёты.— В молоке от коров моего стада четыре и три десятых процента жирности, а у Иванова — три и два десятых процента... Хорошей цифрой будет: пятёрка. Давайте работать на пять!

Иван был целиком занят своими мыслями: куда повести стадо на ночь? Кудлик в обед гонял своих коров в лощинку на ка- тавалы. Там, должно быть, трава получше. Хитрюга. Вот в ту лощину и надо ночью гнать гурт.

Доярки быстро подоили коров Нинки и, как всегда, окружили Марию Стасенко: у кого какой удой?

— Стадо Кудлика за сегодняшний день дало молока на четыре с половиной центнера больше Ивановых коров,— подвела итог Мария Стасенко. — Кудлику начисляется четыре трудодня, а Ивану — два с половиной.

Любопытные цифры! Вы, уважаемый читатель, очевидно, запомнили, что в стаде Кудлика коров намного меньше — семьдесят пять, а у Ивана — сто двадцать шесть. А по молоку — такой перевес на стороне Кудлика! Вот он — метод Кудлика сам о себе «говорит центнерами».

— А где же Иван?— выкрикнула Мария Стасенко, — Он же интересовался вечерним удоём.

Но Иван не отозвался. Он уже распахнул ворота своей половины база и гулким голосом, в котором чувствовалась смесь досады с беспокойством, поднимал разлётшихся коров, орудуя палкой:

— Гей-гей!— выкрикивал он.— Подъём! Хватит вам валяться. Пошли за молоком! А то Кудлик нам жизни не даст.

Поровнявшись с Кудликом, Иван приостановился.

— А я думал, что на вечерней дойке тебя обгоню, — тихо сказал Иван. В его тоне прозвучали нотки примирения, он уже не задибался, и это было как бы признанием метода Кудлика.— Я ж после обеда тоже пас по ту сторону зелёного конвейера, и дольше тебя пас... А молока почти не прибавилось.

— Тот корм, который корова съела сегодня, перерабатывается в молоко только завтра,— пояснил Кудлик.— Так устроена живая «фабрика молока». Это кто не знает, тот недоумевает: зачем это корова, лёжа, часами занимается жвачкой? А это она повторно пережёвывает возвращающуюся из желудка пищу, готовит молоко... А Фокович разрешил ночью пасти?

Иван махнул рукой.

— А чего он не разрешит? — пастух усмехнулся. — Ему лишь бы «отчепились»... Попробую ещё ночь пасти.

Доярки направились к амбару, куда Мария Стасенко перебралась вместе со своей канцелярией. Доярки в конторке оставляли на ночь весь свой инвентарь: вёдра, стульчики, полотенца. Идти в кино уже было поздно, и никто не спешил домой. Явились в амбар и Мария Матушкина с Ксенией Панкратовой; они вернулись из родильного помещения. Кто-то включил радиоприёмник и звуки залиистой гармонии наполнили амбар; и вдруг под её аккомпанемент запел мужской голос:

Из-за вас, моя черешня,
Ссорюсь я с приятелем.
До чего же климат здешний
На любовь влиятелен.

— О, это же Курочкин поёт! — сразу оживилась Мария Матушкина, розовощёкая девушка лет девятнадцати, с пышными, спадающими на плечи волосами, — они до того светлые, что кажутся невесомыми, шелковистыми нитями, какие летают по степи в пору «бабьего лета», но только чуточку золотистее паутины; черты её лица, как и фигура, женственны, сквозь белила пробивается во всю щеку нежный румянец, голубые глаза обрамлены длинными светлыми ресницами; услышав песню, она забыла про усталость, улыбнулась, обнажая частые белые зубы. Это песенка из «Свадьбы с приданым».

Я тоскую по-соседству
И на расстоянии:
А без вас я, как без сердца,
Жить не в состоянии.

— Сначала они так все поют, — добродушно заметила Ксения Панкратова, доярка лет сорока, полнолицая, со вздёрнутым носом, с задумчивыми глазами, без одного переднего зуба. — А как серьёзного дела коснётся...

— Ну, уж это вы, тётя Ксения, загнули! — возразила Анна Морозова, а сама почему-то зарделась; может быть, потому, что она не так уж давно вышла замуж и, руководствуясь собственным житейским опытом, «отважилась» взять под свою защиту некоторых мужчин: — Далеко не все...

Казьменко и Кудлик улыбочиво переглянулись.

Для такого объясненья
Я стучался к вам в окно —
Пригласить на воскресенье
В девять сорок пять в кино...

— Если она из полеводства, то свидание может состояться, — деловито и вполне серьёзно заявила Ксения Панкратова и на несколько секунд умолкла с полуоткрытым ртом, а потом на миг смущённо прикрыла рукой рот, может быть, вспомнила про свою щербатость. — А из животноводства не дождётся. Разве вот такая, как Нинка — та успеет!

— Да, и сегодня кино пропустила, — Мария Матушкина устало сделала печальную гримасу, которая никак не шла к её миловидному лицу. — Но сегодня хотя есть интересная новость: Красавка отелилась. Тёлочку, Мария, — она обратилась к учётчице, — запиши. А как же её записать? Давайте придумаем ей самое красивое имя... И какая же красивая малышка! Сама вся яркокрасная, как спелая вишня, а обе задние ножки белые и конец хвостика такой беленький, а на лбу светлая звёздочка. Имя ей выпало на букву «К».

— Картина... Карточка!..

— Кума!.. Карта!..

— Канитель...

Казьменко, сидя рядом с учётчицей, равнодушно следил за её работой; она составляла сводку, которую должен подписать и заведующий.

— Тише, вы, раскричались як сороки! — властно, но спокойно произнёс он; и все умолкли, точно в раздумье: обидеться или нет за такое неуклюжее сравнение? — Животновод колхозный, Петро Бугриев, сам придумает, какую кличку ей дать. То вже не ваше дело!

— Я знаю, какое Бугриев даст этой тёлке прозвище, — хитровато улыбаясь, сказал Кудлик, — Посмотрит на тёлочку и скажет, как всегда в таких случаях: «Чёрти что». Да, не повезло ей. Подлежит выбраковке, как отошедшая от красной степной породы и не пришедшая определённо ни к какой другой. На мясо пойдёт. Такой суровый закон племенной работы!

Доярки запротестовали:

— Красавка хорошая корова... И тёлочка ни в чём не виновата. Надо оставить!

— И в самом-то деле, такую чертовщину заводят, — вставил Казьменко.— Чуть трюхи рябенька — вже бракують тёлку. Когда это мы чисто красных набираем, шоб рябеньких та старьё подменить?!

За эти слова многие доярки в душе простили Казьменко его грубое сравнение — «сороки» — и дружно поддержали:

— Какая б ни была тёлочка, а из неё корова вырастет!

— С любой, если здоровенькая, толк выйдет.

Кудлик усмехнулся:

— Сердце с разумом в разладе. Когда Павлий был секретарём парторганизации, лекции, бывало, читались на ферме, проводились беседы, читки. А сейчас это дело заглохло. А хорошо бы о племенной работе послушать хорошего специалиста! Кое-что, конечно, и я знаю, но ещё мало.

— Павлий вот-вот с курсов должен вернуться, — безразлично сообщил Казьменко.— Вчера слышал в правлении.

Так в этот вечер и не зарегистрировали тёлочку. По совету Казьменко решили дождаться указания животновода, который согласует этот вопрос с зоотехником.

По амбару разлились звуки вальса «Берёзка», кем-то из радиослушателей заказанного московскому радио.

Анна Морозова подошла к Марии Матушкиной и протянула ей руку, приглашая потанцевать.

— Куда там? — отказалась Мария.— Устала. Целый же день на ногах и в колготе. Три раза на день прийти с хутора на баз и двенадцать коров выдоить! Болят мои рученьки, гудут мои ноженьки.

Она за руку притянула поближе к себе Анну и вполголоса сказала:

— До свадьбы дотяну...

Анна, как ужаленная, отшатнулась.

— Домоседкой захотелось быть?— пренебрежительно спросила она; ей было известно, как и всему хутору, что Мария выходит замуж за тракториста.— На харчи тракториста перейдёшь?

— Ще одна,— беззлобно сказал Казьменко.

Мария утвердительно кивнула головой.

— Мой Петя тоже тракторист,— вставила доярка Мария Новикова.— А я же не состою домохозяйкой.

— Это и мой муж работает в тракторной бригаде горючевозом, трудней у него не мало, по горло хватило бы одних его заработков,— и Анна возразила Марии,— А я и не подумаю сидеть дома! На работе же интереснее. И дома успеваю управляться. Только вот как-то не хватает времени почитать что-нибудь. Когда в школе училась, очень полюбила чтение. «Молодая гвардия», «Жатва», «Счастье», «От всего сердца», «Кавалер зототой звезды»... Сколько хороших книг!

Кудлика этот разговор очень заинтересовал: он глубоко задумался над его смыслом, но не обмолвился ни единым словом.

— Хорошо Кудлику,— сказала, смеясь, Мария Колесова,— Станет впереди стада, достанет книжку и читает себе... А доярка, как угорелая, мечется! Целый день... Тут от любой книжки откажешься.

Казьменко подписал сводку и направился к выходу.

Вслед за ним разошлись и доярки.

IV. ХОРОШИЙ ХОЗЯИН

...В ясеновой роще, в ста метрах от корпусов МТФ, выстроено массивное одноэтажное здание кирпичной кладки — колхозный маслозавод. Вот-вот это предприятие должно вступить в строй. Тогда отпадает необходимость возить молоко в

соседнее село Казьминское. Скоро, в конце июля, будут завершены поставки, молока государству. Вот когда особенно нужен свой завод! На месте можно перерабатывать молоко в масло, сметану, сливки, кефир, сыр. Покупая молочные продукты, жители Ставрополя и Невинномысска только спасибо скажут! И колхозу выгода — доходы увеличатся.

К пуску завода подготовка начата ещё с зимы: в погребах припасено достаточно льда, добытого в морозные дни на своих водоёмах.

Солнце ещё не взошло, а Иван Сафронович уже на стройке. Как рачительный хозяин, он самым тщательным образом осматривает завод, торопит строителей.

Здесь с ним встретился Казьменко.

— Вот и завод свой заимели!— Председатель как-то сердито повернулся лицом к Казьменко и неопределённо-строго — прямо до смешного строго — сказал: — Как ни трудно, а растём!

Прошли те времена, когда Казьменко предпочитал не встречаться с председателем. Дела на МТФ улучшились, и её заведующий чувствовал себя уверенно. «Ферма, пока я той, як його... не подведёт!». Теперь и хмурый вид Бурхацкого его уже не так пугал.

— Та кто ж против цього возражает?— необычно смело и недоуменно отозвался Казьменко.— Ещё как растём!

Председатель потрогал рукой застывающий цемент на крыльце завода.

— Бывало в три фляги забирали весь удои,— всё так же строго сказал Бурхацкий, будто думая вслух.— А теперь понадобился свой завод. Понимаешь? Вон куда дело идёт!

«Ну, уже ж стали получать по четыре килограмма зерна и по пять рублей деньгами. Это больше, чем Бурхацкий загадал на собрании, когда его избрали председателем,— подумал Казьменко.— А он всё не улыбается... Ну, хоть бы один раз засмеялся!».

— И я ж кажу... Радоваться треба! — подбадривающе вставил Казьменко,— А то посторонний человек может подумать...

Бурхацкий круто повернулся к Казьменко.

— Радуюсь! — и скулы заходили на полном, посеревшем от недосыпания, но попрежнему без единой морщинки лице председателя,— А как ты думаешь, если бы у нас в коровниках установить автопоилки, организовать электродойку, поставить кормозапарники...

— Оце б да! — подхватил Казьменко, — Тогда останется только покликать фотографов.

Председатель перебил его:

— Всё это было бы, если бы не районные фокусы! Соседи торгуют хлебом, а мы поглядываем. В прошлом году мы намного перевыполнили план хлебопоставок. А соседи затаили уборку хлеба, ссылаясь на полеглость. А району не терпелось отрапортовать. У соседей хлеб остался в закромах, а наш сверхплановый пошёл в районный рапорт! Вышло: кто постарался — в дураках остался. Теперь бы у нас были автопоилки, электродойка, кормозапарники. Придётся это дело отложить до лучших времён.

— Про це треба дать знать куда следует,— энергично посоветовал Казьменко: «Тут на ферме голова кружится, а всем колхозом руководить...— подумал он. — Так ось чего вин сумный, як хмара!»

Бурхацкий совет Казьменко пропустил мимо ушей: он не любит жаловаться...

— Сверхплановое молоко начнём перерабатывать дома!— решительно сказал он, будто кто ему возражал.— Увеличивай, Василий, удои! Завод, считай, готов. Загрузишь?

— А то нет!— живо отозвался Казьменко и рассказал председателю «новость», с которой шёл к нему.— Як коровы перешли на катавалы, меньше стало молока. Кудлик ще якость держится. Но це вже точно: в июле годовой план закончим.

Председатель сверлящим взором посмотрел на Казьменко, точно хотел его «пригвоздить».

— Вот тебе и «худоба»! — он намекнул Казьменко на позапрошлогодний разговор.— Значит, зря на коров вину валили. Худоба та же, а молока даёт почти в два раза больше и без мармеладу.

— На шо про старое вспоминать.

Казьменко было звонко рассмеялся, но, встретившись глазами с колючим взглядом Ивана Сафроновича, «осёкся», закашлял не без поддельного напряжения.

— Думаю, пора бы начинать подвоз зелёной массы с дальних участков,— сказал Бурхацкий, как бы советуясь с Казьменко.— "Косите сколько надо эспарцета или суданки, нагружайте зелёное сено на автомашину и подбрасывайте к базу... А?

— И я ж кажу!— подхватил Казьменко.— Ото ж будет дило! Молоко как из родника побежит.

Снова нахмурил брови председатель.

— Это в наших руках,— сказал Бурхацкий подчёркнуто.— У коровы ж, как ты говорил, молоко на языке.

— Молоко, Иван Сафронович, будет наше,— Казьменко явно уклонялся от воспоминаний.— Теперь таке соревнование идёт! Кудлик бильпе берёт молока. А Иван места себе не находит. Их ещё Павлий евл. «Кто из вас лучше со стадом управится? А, ну- ка, покажите своё искусство!» Иван цю ночь своё стадо держал на катавалах... Да, завод-то штука добрая! И я такой — шо перейшов бы на завод,— он неловко улыбнулся,— чи заведующим,

чи хоть сторожем... На ферме зараз таки работы, шо за всем не углядишь.

— А ты смотри в оба!— серьёзно сказал Бурхацкий.— На завод найдём специалистов. Сегодня хлопцы пригонят две грузовых машины за сверхплановую шерсть. Одну дадим на подвоз кормов. Для другой сделаем большую будку с входными дверями и лестницей от земли, с окнами, чтобы светло было. Словом, вроде автобуса будет, только самодельный. Будем матерей с грудными детьми отвозить в степь и привозить обратно через каждые два часа. Такого народу у нас немало. Надо дать и им участвовать в колхозном производстве. Они заработают трудодней, и колхозу большая польза.

Казьменко на миг расширил глаза, словно о чём-то важном вспомнил.

— А когда же придёт смена Яшке?— спросил Казьменко с подавленной улыбкой.— Убрать бы ишака к чёрту с фермы!

— Пусть ещё потерпят, дадим им лошадь,— пообещал председатель.— Машиной начнём возить людей в степь, кони высвободятся. А гонять стадо для ночной пастьбы я бы не советовал. Возите зелёный корм прямо к базу. Так будет лучше.

«Хороший хозяин,— подумал Казьменко об Иване Сафроновиче,— а тоже не без недостатков... Ну, хоть бы раз засмеялся!»

...Я сел на попутную машину, управляемую Алексеем Долгополовым, и уехал в село Казьминское.

Отсюда в Ставрополь ходит комфортабельный автобус, который меня доставил домой.

V. У СОСЕДЕЙ И ДОМА

Год спустя, я снова побывал на хуторе Мищенском. На этот раз мне посчастливилось подольше пожить с хуторянами.

Июнь только что начался. Это пора буйного роста хлебов. Новенький автобус, сверкая светлорозовым лаком, массивными стёклами окон, разноцветными «глазками» сигналов, мчался по грейдеру от Невинномысска до села Казьминского. С обеих сторон стеной поднялась пшеница. Она напоминала морскую гладь,— так была густа и тучна.

— Крепко стоит пшеничка!— раздался чей-то восторженный голос,— Вытянется центнеров на тридцать с гаком.

В Казьминском, около маслозавода, я увидел знакомую автомашину с хутора Мищенского; её водит Алексей Долгополов. Она была загружена флягами.

В чём дело? В «Полярной звезде» есть свой маслозавод, а в Казьминское попрежнему возят молоко. Я своё недоумение высказал знакомому шофёру. Как же так?

Алексей Долгополов, подумав, ответил:

— Недолго поработал наш завод и остановили. Слышал, что колхозу выгоды нет. Или, вернее сказать, надёжных людей не подыскали. Туда же специалисты нужны: маслодел, лаборантка, то есть кадры, знающие производство. А где их взять? Это ж недавно такая мода пошла, что колхозы стали своими заводами обзаводиться. Ну, конечно, не успели обучить нужный персонал. И что-то не слышно, чтобы на такие курсы, где куются молочные специалисты, от колхоза требовали людей. Нанял колхоз двоих — мужа и жену, — поработали. В два раза больше уходит молока на масло. А масла от колхоза базы «Росглавмолоко» не принимают. Вроде, говорят, наш завод «дикий», без номера. Вообще-то масло могут взять, но за полцены. Это ж колхозу нерасчётно. Вот и возим на госзавод, как и раньше. А в свой маслозавод ухлопали более ста тысяч рублей, если всё учесть. Я думаю так: новое дело всегда сначала туго подвигается... И тому заводу со временем дадим ума!

По накатанной до глянцевого блеска просёлочной дороге машина, гремя пустыми флягами, легко и быстро взобралась на взгорье, с которого открылась знакомая долина. Теперь она выглядела ещё красивее. И хутор Мищенский раздался вширь и в длину; на многих домах солому и камыш заменили красная черепица и серебристый шифер; палисадники, прежде огороженные ветхими плетнями, сейчас пестрят дощатыми штaketниками, выкрашенными в разные цвета; среди разросшихся садов кокетливо выглядывали белыми углами дома, их много прибавилось новых, добротных и нарядных.

На этот раз мне повезло: я сразу же встретился с Иваном Сафроновичем в помещении правления, в рабочей комнате председателя.

Правда, с Бурхацким мы видались накануне, в мае. Произошло это совершенно случайно. Иван Сафронович вместе с делегацией либкнехтовцев побывал в станице Григориполисской, Ново-Александровского района. Здесь процветает одна из передовых артелей Ставрополя — колхоз имени Сталина, руководимый председателем Николаем Фадеевичем Лыскиным.

Сюда часто приезжают и соседи, и дальние гости посмотреть и перенять опыт борьбы за изобилие.

Хозяева радушно встречают многочисленных экскурсантов, показывают им полевые станы, новые фермы, племенной скот, посевы хлебов и трав, охотно рассказывают о радостных переменах в колхозной жизни. И всякий раз людей охватывает праздничное настроение: перед их взором вырисовывается яркая и убедительная картина крутого подъёма большого артельного хозяйства.

Легко заметить, что григориполисцы как-то по-иному относятся к либкнехтовцам. И их, конечно, подробно знакомят с колхозными делами, делятся с ними новостями, не таят от них своих планов на будущее. Однако атмосфера встречи несколько особенная — какая-то более строгая, подчёркнуто деловая. Может быть, это потому, что два передовых района Ставрополя — Либкнехтовский и Ново-Александровский, издавна соревнуются между собой. И, надо сказать, с переменным успехом. Они соседствуют и по этой причине, находясь в сравнительно одинаковых природно-климатических условиях, имеют равные возможности. Это обстоятельство, очевидно, обеим сторонам внушает повышенное чувство ответственности.

Хозяева скорее отчитывались перед гостями за определённый срок, чем просто демонстрировали свои достижения. Этим, пожалуй, можно объяснить, что большую группу либкнехтовцев энергично принялись сопровождать не меньшее число

григориполисцев. Но вскоре гости смешались с хозяевами и повели деловой обмен мнениями. В центре — председатель Николай Фадеевич Лыскин.

Иван Сафронович, как мне удалось раньше заметить, по натуре скромный человек. Таким он был и здесь. Он не лез наперёд и не толкался в приподнято-шумной толпе. Но его, рослого и представительного человека, с сосредоточенно-серьёзным выражением лица, нельзя было не заметить. Он выглядел поздоровевшим, на округлившись щеках теплился спокойный румянец, и только глубоко сидящие и вечно прищуренные глаза степняка были всё такие же быстрые и задумчивые, остро внимательные.

— Сегодня я в экскурсанты попал,— сказал он, здороваясь, а потом, словно высказывая своё толкование слова «экскурсант», раздумчиво добавил:— Сами ничего не делаем и другим мешаем работать. Вот, присматриваемся, как Лыскин ворочает делами. Председатель он, видать, с головой!

Когда осматривали поля, я заметил, что Бурхацкий бросал снисходительные взгляды на тучную темнозелёную пшеницу, на «зелёные квадраты» подсолнечника и кукурузы, на дремучие заросли эспарцета. Хорошо хозяйничают в поле григориполисы! Видно, что культура земледелия высокая. Урожай всех культур обещает быть обильным.

«Всё это и у нас не хуже, если не лучше», — что-то в этом роде говорили глаза Бурхацкого, смотревшие на посевы, как на давно привычное.

— Ну, а как там у вас теперь?

— Как вам сказать... Это самому видеть надо,— не меняя своего обычного строго-делового выражения лица, ответил Бурхацкий, а после паузы раздумчиво продолжал:— Фермы не узнаете. Во всех новых корпусах установили автопоилки. Двадцать комплектов электродоильных аппаратов приобрели. Стационарную электростанцию прямо на ферме поставили. Ну, конечно, и кормозапарник. Техника кормит, поит, доит. Хвастать не люблю, но знаете, чего добились? Первое место в районе заняли по надою молока!

Рассказывая, Бурхацкий в то же время внимательно следил за каждым шагом экскурсии и, как я заметил, не пропускал мимо ушей ни одного слова. Меня удивила его вдруг откуда-то появившаяся словоохотливость. Может быть, это она его посетила потому, что он был вне территории своего колхоза и отсюда смотрел на него как-то со стороны, возможно, беспристрастно сравнивал «Полярную звезду» с колхозом имени Сталина.

— После постановления сентябрьского Пленума ЦК дела пошли веселее,— сказал он так, точно бы хотел особо указать на ту чудодейственную силу, которая позволила взять такой небывалый разбег в хозяйственном подъёме артели.— Мудро партия заботится об укреплении колхозов. Решения Пленумов, скажу без прикрас, окрылили колхозников. С каким энтузиазмом народ трудится! Зима, знаете, была ужасная, но люди не поддались стихии. Так что продвигаемся вперёд. А как же иначе! И теперь уж не придётся отдуваться за чужие грехи. Бывало ведь так: кто плохо работает, тому и поблажка. Мы, скажем, поработали дружно и вывезли на элеватор зерна даже сверх плана, а соседи не торопились и ссыпали свой хлеб в амбар, а потом улыбаются: отстающим быть, мол, не так уж страшно! Дело, конечно, не в улыбке, а в том, что экономика нашего колхоза пострадала. Партия осудила такую вредную практику. Все колхозы должны хорошо работать! И могу вам сказать то, в чём сам основательно убедился,— наши колхозники гордятся своей артелью. Я думаю, это не плохо. А?

Внимание Бурхацкого привлёк четырёхрядный коровник. Иван Сафронович оборвал свой рассказ и целиком отдался слушанию объяснений: двести коров в одном благоустроенном помещении, где все процессы обслуживания скота механизированы. Рядом с коровником, как и в «Полярной звезде», выстроен колхозный маслозавод. Потом осматривали закладку птицефабрики, на 60 тысяч кур. А на берегу Кубани, около откормочного пункта (на 1 200 свиней!), ещё пахнущего застывающим цементом и поблескивающего на солнце новеньким шифером, Бурхацкий не вытерпел, изменил себе — пробрался в первый ряд и молча слушал, пока шёл рассказ о свиноматке. Затем многие

экскурсанты задавали вопросы: сколько человек будут обслуживать пункт, как организуется подача корма, годятся ли эти лагеря для содержания свиней зимой?

Почти целый день люди не слышали от Ивана Сафроновича ни единого слова. И вот задал свой вопрос Бурхацкий. По тому, как и о чём он спросил, видно было, что это не простое любопытство, а скорее допрос с пристрастием, хотя произнёс он свою фразу спокойно и, как обычно, тихо:

— Где же это вы закупили столько цемента и шифера?

— В сельпо,— последовал ответ.

Сама собой возникла пауза. Все как-то загадочно умолкли. Отчётливо вдруг послышалось многоголосое покашливание. Многие принялись закуривать.

— Эх, и нам бы такое сельпо!— со вздохом вырвалось у кого-то из гостей.

— На эти стройки пошёл эшелон строительных материалов!

У многих эти восклицания вызвали улыбку.

— Да, нам нужно в три раза больше материалов, чтобы обеспечить все объекты строительства,— сказал кто-то из григориполисцев.

— «Полярная звезда» и за десятую долю стройматериалов громко бы сказала спасибо! — буркнул себе под нос Бурхацкий таким тоном, будто его обидели.

День клонился к вечеру. Бурхацкий прищуренными глазами обвёл небосвод, взглянул на не жаркое майское солнце: оно уже перемахнуло через Кубань и, всё более спускаясь над просторами Краснодарского края, поливало косыми лучами станицу Григориполисскую, разместившуюся в просторной красивой долине.

— Хорошо в гостях,— произнёс Бурхацкий, ни к кому определённо не обращаясь. По тону голоса можно было понять, что он уже истосковался по хутору Мищенскому. Сейчас он мне показался таким же, каким он оставался в памяти от первой встречи около колхозного маслозавода: строгий и хмурый, напряжённо сосредоточенный на каких-то своих думках.— Пора и по домам. Шутка ли, день целый не был в колхозе! А там столько дел! Хорошо ли начали стрижку овец? Обязательно проверить работу маслозавода: очень низкий выход масла. И куда его выгоднее сдавать? Надо осмотреть зелёный конвейер. И вот всё ещё не придумую, чем же накрывать постройки? Сельпо...

Он умолк и после этого избегал собеседников, видимо, отвлекаявших его от дум о своём колхозе.

Тогда мне так и не удалось расспросить его, какое у него впечатление сложилось от посещения Григориполисской.

...Теперь я застал Ивана Сафроновича в его кабинете, когда он вёл изрядно надоевший ему разговор с тучным мужчиной с сиплым голосом и сизым носом на крупном лице.

— Не сердчай,— успокаивал председателя мужчина с сизым носом.

— Так я и не сердчаю, а говорю: договор сейчас заключать не будем,— строго сказал Бурхацкий, лицо его было отчуждающе хмурым.

— На яйца?

— Да, на яйца! — подтвердил Бурхацкий.— Мы уже заключили два договора: на восемьсот центнеров мяса и на восемьсот центнеров молока. Колхоз выполняет свои обязательства. А от сельпо, что мы получаем по договору? Ноль целых и кукиш десятых. Ни одного грамма цемента! Ни одной плитки шифера! Где обещанные строительные материалы? Поезжайте да поучитесь у григориполиссских кооператоров! У них всё есть.

— Ну, не сердчай,— глуховато просипел мужчина с сизым носом, учащённо моргая бесцветными глазами. — Тебе про яйца, а ты своё заладил. То уже зависит не от сельпо. Опять же повторяю: за нами не пропадёт.

— Люди строятся, а мы глотаем заверения,— возмутился председатель.— Время же не стоит на месте! И какое время — только строй!

— Опять сердчаешь,— мужчина с сизым носом недоуменно развёл руками, а минуту спустя, как ни в чём не бывало, сказал: — На мясо и молоко оформили бумаги быстро. Так

как же с яйцами, Иван Сафронович? Может подпишешь договорчик? Он уже готовый. Одна твоя подпись требуется — только и делов. А ты такое дело тянешь.

— Дело не в подписи,— раздражённо сказал Бурхацкий и сделал такой жест руками, словно окончательно отмахнулся от назойливого собеседника.— Выполним план по яйцу, тогда и поговорим о договоре. Правление решит вопрос.

— Ну, так бы и сказал,— разочарованный мужчина с сизым носом грузно поднялся и, выходя из комнаты, столкнулся в дверях с Петром Павлием, дал ему дорогу и на ходу бросил: — Только, Сафронович, не надо сердать.

Пётр Павлий давно уже вернулся с учёбы в звании «младшего агронома». Бурхацкий не ошибся, когда сказал, кого следовало бы послать учиться!

Теперь есть помощник: правление колхоза назначило Павлия заместителем председателя.

Павлий заметил, что Бурхацкий чем-то взволнован, что причиной тому сельповец. Он испытующим взором проводил кооператора. «Вот представитель той организации, очень важной на селе, но которая ещё не уяснила себе, что такое укрупнённый колхоз, как и чем с ним надо торговать,— подумал Павлий.— Критикуем их, не взирая ни на что, а от них, как от стенки горох, отскакивает».

А Ивану Сафроновичу разговор с работником сельпо напомнил и о других фактах — за месяц их накопилось немало — невнимательного отношения к колхозу.

— В районе тоже иногда вот так же мудрят,— нервозно сказал он.— Всё бумажками потчуют. Ещё только июнь, а уже несколько планов развития животноводства получили. Теперь сиди и думай: последний ли это план? Бумажки сочинять легко, если их так часто меняют, а вот хозяйством руководить в таких условиях — морочно. Отрывки негодной практики ещё дают о себе знать и сейчас. У нас неплохо дело обстоит с развитием овцеводства. И в минувшую тяжёлую зимовку мы сохранили на каждую сотню гектаров земли по сто пятьдесят шесть овец. А сенокосов у нас нет. Все выпаса — на катавалах. Это малопродуктивные пастбища. Нам тяжело содержать такое поголовье овец: недостаёт ни кормов, ни помещений. Планировали продать две отары. А нам распоряжение из района: сохранить всё поголовье! Почему? У соседей не хватает до плана овец. И вот придумали: для того, чтобы в районной сводке средняя цифра по овцеводству была получше, снова не считаться с положением отдельных колхозов. А что на деле получается? У нас овцы вытолкли все пастбища, коров некуда выгонять, а соседи живут просторно, косят сено. Вернее было бы так: кто увеличил поголовье овец, тот может из числа сверхплановых продавать, а кто потерял — пусть приобретает.

Иван Сафронович прищурил глаза, на его высоком лбу образовались две складки, он о чём-то напряжённо думал.

— Старые привычки живучи, они нам ещё и сейчас мешают,— возмутился он.— В районе додумались: было дали нам самый высокий план поставок молока — тысяча восемьсот пятьдесят литров, на фуражную корову. А другим колхозам значительно меньше. Значит, опять поблажка плохо работающим. Вот и стремись в передовые! Пришлось поднять шум в райисполкоме. Партия и правительство всем колхозам создали благоприятные условия для роста и процветания. А тут опять нарушение погектарного принципа. Я так и заявил: буду писать в Москву! Наши колхозники написали-таки... Только тогда дали единое задание по району — тысяча шестьсот девяносто литров на корову.

Мимо правления прогремела грузовая машина, в кузове плотными рядами сидели колхозницы, они звонко пели:

Всю ночь поют в пшенице перепёлки
О том, что будет урожайный год...

Мелькнуло в кабине знакомое лицо: это Алексей Долгополов.

— Доярки в Сухую балку поехали,— сказал Бурхацкий и посмотрел на часы. Лицо его отразило, примерно, следующее: «Как летит время! Заговорился». — Три раза в день курсируют. За девять километров. Есть там у нас кусочек непаши. На ней когда-то была усадьба совхоза. Для двух гуртов, может быть, на неделю хватит. А больше некуда гнать коров. С зелёным конвейером вышла головоломка. Засеяли двести двадцать четыре гектара пшеницы на зелёный корм. Прошлой осенью и в мае на те посевы пускали скот, а теперь район запретил пасти стада и косить: оставлять, мол, хлебные и фуражные культуры на зерно. Сколько допытывался, так и не узнал, кто это так распорядился. У нас же теперь есть секретарь райкома партии по зоне нашей Казьминской МТС. Близко — семь километров. Сбегал к секретарю Павлу Петровичу Острейко. Как же так, говорю, кто зелёный конвейер отменил? «Так,— отвечает,— надо!» И весь разговор. А потом я узнал, что эти посевы включены в «расширенную площадь» под зерновые культуры. Вишь, как решили выполнять постановление февральско-мартовского Пленума ЦК— А что с тех посевов соберёшь, когда они наполовину уже были стравлены скотом? Но содержать коров негде! Наконец-то, уже в июне разрешили пасти, но посевы так поднялись, что уже перестали быть зелёными, да их просто жалко теперь топтать гуртами — колос же наливается! Так мы и остались без зелёного конвейера...

Слушая председателя, я всё время держал в голове давно заготовленный вопрос: что поучительного почерпнул он в станице Григориполисской? И теперь, когда Бурхацкий поднялся, чтобы уйти по своим делам, я спросил:

— У григориполисцев что-нибудь переняли?

— Ничего!— не задумываясь в сердцах выпалил обычно степенный и рассудительный Бурхацкий, но тотчас же как бы поправился: — Конечно, в колхозе имени Сталина много есть интересного. Так и мы бы закатали четырёхрядный коровник, откормочные пункты повыстроили, не хуже птицефабрику отгрохали. Слов нет, Лыскин хороший организатор, цепкий человек насчёт всяких новинок. Этого у него не отнимешь. Но в Григориполискую вагонами идут цемент, шифер и другие стройматериалы, без чего теперь приличного отхожего места не построишь. А у нас вон две конюшни и птичник стоят без крыши, сверкают стропилами, да и старые помещения текут,— он сурово посмотрел на дверь, в которую только что вышел сельповец.— Если бы наше сельпо было так богато стройматериалами. Вот и приходится мороковать. Но от григориполисцев ни в чём не отстанем!

— А вот григориполиссцам все посевы на полях зелёного конвейера оставили под выпаса,— добавил Павлий.— Этого я не понимаю: наш колхоз исправно ведёт зерновое хозяйство, аккуратно выполняет свои обязательства по поставкам хлебных культур, так зачем же «Полярной звездой» так неразумно «командовать», администрированием связывать инициативу колхозников?! Тут что-то не так...

VI. ОБИДА АННЫ МОРОЗОВОЙ

Сухая балка — это настолько плоская, ни заметных возвышений, ни малейших углублений, равнина, что, увидев её, думаешь: почему же эта местность, собственно, названа «балкой»? Видимо, где-то рядом есть глубокий овраг. Прикубанье густо изрезано бесчисленными «сухими» и «мокрыми» балками, которые питают паводками и родниковыми водами Кубань на всём её более чем восьмьсоткилометровом пути, торопят бег её в Чёрное и Азовское моря.

Коровы бродят на клочке естественных выпасов, каким-то чудом ещё не попавшем под плуг. Пастбище углом врезается в земли Краснодарского края, и оно среди массивов высокой пшеницы выглядит плешинкой. Да и долго ли здесь быть пышной растительности, если дни и ночи топчутся два стада!

...Доярки поднялись со скамеек, готовые поскорее выпрыгнуть из тряского кузова; разноцветные косынки плескались на ветру, создавая пёструю картину.

И хорошо мне здесь остановиться
И, глядя вдаль, подумать, помечтать...
Шумит, шумит высокая пшеница
И ей конца и краю не видать.

Голос Анны Морозовой густо выводил мелодию. Потом все подхватили повтор:

Шумит, шумит высокая пшеница
И ей конца и краю не видать.

Грузовая машина остановилась посередине пастбища. Алексей Долгополов осторожно подрулил так, что автомобиль стал между сближавшимися гуртами. Доярки, не обрывая песни, дружно, принялись сгружать на землю грохочущие фляги, вёдра, стульчики. Коровы, словно на зов песни, стягивались к грузовику. Стада — каждое с какой-нибудь одной стороны машины — привычно собирались кучно и располагались как на тырле. Без проволоочки началась дойка.

Иван налыгал Голубка цепью, подвёл его к задку машины и надел кольцо цепи на буксирный крюк.

Пастухи — Иван и ещё один, как потом выяснилось, Пётр Шаталов, сошлись впереди грузовика и, выбрав местечко потравянистее, с чувством исполненного долга сели отдохнуть.

Иван изменился к лучшему, стал степеннее, заметно возмужал, раздался в плечах, его скуластое лицо округлилось, только фуражка на нём была всё та же, но уже повидавшая виды, — она испытала и палящий зной, и леденящие морозы, и проливной дождь, и обжигающие суховеи, — и основательно выцвела до цвета глины, утратила свой щегольский вид.

— Как теперь у нас дела? — переспросил меня Иван и весело ответил: — Сейчас жизнь — красота. С зимой несравнимо. Вот была зима! Старики не помнят такой. Говорят раз лет в пятьдесят, а то и реже такая случается. Сколько раз коровники подверх заносило снегом, а то возьмёт и целиком накроет рошу и ферму под один уровень, одной снежной крышей. Только откапаем — и снова заметёт. Туннели в снегу приходилось прокапывать, чтобы до коров пробраться. А морозы были какие — автопоилки в помещении замерзали! Электрик Николай Верещагин только тем и занимался, что всё время ходил из коровника в коровник и паяльной лампой отогревал. Самыми мощными гусеничными тракторами подвозили корма. Потравили всё сено, и до старой соломы дело дошло. Механизаторы комбайн приспособили крошить солому; потом её запаривали. Сколько было кормов — всё под метёлку израсходовали! Семь месяцев лютой зимы! Хорошо, что у нас всего был большой запас. При любой погоде скот имел и воду, и корм. А, правда, по коровам уже не заметно, что зимовка была тяжёлой? Это они за май так раздобрели! А сейчас опять пошли на спад.

— Да, было дело! — со вздохом вставил Пётр Шаталов.

Всем своим видом и тоном речи пастухи откровенно выражали горделивое чувство собственного достоинства. И примечательно то, что благополучие своей жизни они связывают с процветанием того дела, которое им доверил колхоз. Они напоминали участников большого сражения, победа в котором далась ценою напряжения всех сил. Это были воспоминания людей, испытавших и тяжесть труда и сладость победы.

Я засмотрелся на нового для меня пастуха Петра Шаталова, среднего роста, видимо, одних лет с Иваном, с вялыми движениями человека, которому некуда спешить.

Затем мой взгляд скользнул по сторонам в поисках Кудлика.

Иван догадался.

— Должно Кудлика высматриваете? — спросил он и уверенный, что распознал мою мысль, ухмыляясь, добавил: — Поминайте его как звали... Только метод от него остался.

— Где же он?

— Куда пошлют, — ответил Иван, его лицо вдруг стало серьёзным.— А это был пастух — поискать такого! Только характер у него необузданный. Первое у него дело — поднять шум, заспорить. Так он нет-нет да и сцепится с Казьменко. А тот, как глухая стена, стоит нерухомо на ферме; всё о неё разбивается... И Кудлик наш спёкся! Как-то раз затеял он такой разговор, чтобы доярки только два раза приходили на работу: рано утром часа на четыре и столько же вечером, а чтобы весь день они были дома свободными. Он же грамотей у нас. Хитрее его на хуторе не найдётся! Где-то из книг узнал, что так можно не три раза, а четыре раза доить. И доярки, мол, полный день будут дома. Сам так рассуждает и, слышите, доярок подбивает. Ну, и баламут! Это, чтобы и они его руку тянули... Ну, конечно, свою думку давай он Фоковичу рассказывать: так, мол, и так. А тот и слушать не стал: «Мудруете, шоб меньше робить. Может, вам один раз захочется приходиться на ферму? Бросьте эти разговоры! Боны до хорошего не доведут. Я вже билипе двадцати годов работаю на ферме, хотя и важко бывает, а нияких коников ще не выкидывал. И вам не советую. Работать надо честно!»

Иван разлёгся поудобнее на траве и продолжал свой рассказ.

— Кудлик сам ему на это в глаза ничего не ответил, а потом дояркам и говорит: «С пнём не столкнешься, об него наша ферма спотыкалась и будет спотыкаться. Удивляюсь, как Иван Сафронович и Павлий ничего этого не видят, одно своё твердят, что Казьменко, мол, не без недостатков, но требовательный, заботливый, никакой работой на ферме не гнушается, и животноводческий стаж у него большой. Он, мол, ещё нужен ферме! А я уверен, что тот пень непременно корчевать надо, чтобы не мешал движению, не то, что им любоваться». Кто-то про такие слова Кудлика рассказал Фоковичу. Слышал я, что Казьменко ходил к самому преду не то докладывать, не то жаловаться на Кудлика и доярок, которые потребовали иначе доить коров. А Иван Сафронович куда-то спешил и как будто не в духе был, не стал вникать в суть дела. И говорит он Фоковичу: «Ты зачем на ферме поставлен? Двадцать лет завед�ешь, а с ерундой справиться сам не можешь. Или не хочешь? Неужели же мне с пастухами спорить? Сам веди дело! А я с тебя потребую. И чтобы был порядок на ферме. Не распускай вожжи!»

Пётр Шаталов предостерегающе посмотрел на Ивана: дескать, зачем об этом рассказываешь постороннему человеку. Но Иван плотно сжал и выпятил губы, лицо его как бы выражало: «Это ж знакомый корреспондент. И пусть все знают, что у нас творится!»

— Словом, одно ясно: Казьменко запомнил слова Кудлика «пень корчевать»,— снова улыгнувшись, заговорил Иван.— И пошли между ними... концерты! Что бы ни сказал Кудлик, а тот ему: «Це не твоё дило! Всякий пастух ще станет мини указывать и подсказывать. Та ще такой крученый, як ото ты! Без твоих методов сколько жили и зараз обойдёмся. Як фельдшер, так дуже великая цацка!» А время шло к осени. В том году ещё в октябре ударили заморозки, пошёл снег. И Казьменко сразу поломал метод Кудлика: объединил в один гурт оба наши стада... Вы лучше сами с Кудликом поговорите, как он бросил свой гурт. Я кое-что слышал от людей, но он сам лучше эту историю знает. Теперь я вот соревнуюсь с кумом Петром Шаталовым. После Кудлика он самостоятельно правит его гуртом.

Отовсюду до слуха доносились знакомые звуки: то гулко ударяясь о дно порожнего подойника, мелодично звенели струйки молока, то, врезываясь в пенное молоко, они приглушённо булькали.

— А действительно, зимой работали по-фронтному,— запоздало включился в разговор Алексей Долгополов, держа в руках поднятый над мотором капот.— Перед колхозной силой и природа пасует... Это ж, если разобраться — подвиг на трудовом фронте!

Люди охотно вспоминали о минувшей зимовке, очевидно, потому, что им приятно было сознавать крепнущую веру в свои силы, превосходство разумно организованного коллективного труда перед слепым буйством стихии.

Шофёр церемонно подсел к пастухам, будто тем оказывал честь всей компании, и все они, разомлевшие от зноя, постепенно умолкли. Глаза их дремотно смыкались.

Мимо притихшей мужской кампании шагала молодая женщина, с приятными чертами продолговатого лица. Она по-девичьи аккуратно одета в цветастое ситцевое платье городского покроя, ловко сидящее на её стройной фигуре; на голове — белая косынка свободно, точно парус, вздувалась над плечами; в ушах — маленькие серебристые серьги. Ну, как не узнать Анну Морозову! Она в правой руке на отлёте держит полное ведро со вспенившимся молоком. Разговор между пастухами и шофёром ей хорошо был слышен. И теперь, очутившись рядом с ними, она окинула любопытным взглядом дремлющих мужчин.

— Блаженствуете, герои боевые! — задиристо бросила Анна.— Наговорились о подвигах и теперь на солнышке отлёживаетесь. А по-моему сейчас даже хуже, чем зимой!

Иван, будто ужаленный, весь задвигался,— куда девалась бы ло нахлынувшая сонливость! Рывком приподнялся на колени, фуражка покатила прочь.

— Вот так сказанула! — с ребячливой запальчивостью, но приглушённо выкрикнул он.— Анна, а ты случаем не того... — Иван, будто спохватился, что без фуражки, пополз за ней на четвереньках и уже тихо сказал:— Вы слышали: зимой ей было лучше!

— А то нет?— Анна проворно и ловко сливала молоко во флягу и между делом отвечала:— Тебя бы вот заставить коров доить. Интересно, что бы ты запел?

Иван глубоко натянул фуражку, пряча лицо от солнца.

— У каждого в жизни своя специальность,— с достоинством сказал пастух.— А насчёт зимы, признайся, Анна, ты просто так ляпнула. Только не кричи сильно: дойка же идёт. Коровам покой нужен...

— С чего бы это я так просто взяла да и ляпнула?— обидчиво возразила доярка, подсаживаясь к очередной корове.

Степной ветерок едва колебал знойный воздух. Пастбище, залитое ярким солнцем, струило веселящий аромат чебреца, смешанный с парным молоком. Где-то высоко над стадами вдохновенно пели жаворонки, словно соперничая в вариациях на одну и ту же, но всегда трогательную мелодию. Как-то естественно и кстати в серебристые переливы птиц вплетались звонкие и приятные для слуха звуки молочных струй. Возникла причудливая степная симфония.

— Скажите пожалуйста, ей зимой лучше было! — Иван широко улыбнулся и даже встал на ноги.— Тогда доказывай. Интересно послушать!

— Тут и доказывать нечего,— Анна проворно работала обеими руками, две струйки молока из её кулаков непрерывными беломатозыми нитями протянулись от сосков в ведро, ежесекундно то переплетаясь, то расходясь в стороны.— Просто смешно. Когда была самая страшная зима, сумели организовать и освоить электродойку. А теперь вот опять по капле цеди. Только было привыкли к технике — и не только мы, но и коровы — и снова возврат к старому, отжившему способу. Это порядок? При технике за четыре минуты корову выдаивала, а теперь чуть ли не десять минут на каждую уходит. А их, коров, у меня двенадцать. Да три раза в день. Подоил бы вот сам! Поневоле ту зиму вспомнишь ласковым словом! А вы блаженствуете после подвигов.

— Ну, то совсем другой разговор,— Иван махнул рукой и снова сел на траву в знак того, что, мол, не о чём спорить.— Это и нам тут, на Сухой балке, не меньше достаётся. А, ну-ка, попробуй ведром из колодца напоить стадо! Тоже, пока коровы напьются— напляшешься. А там, около фермы — водоёмы, в коровниках — автопоилки. В самом-то деле, когда зимой припёрло — снег лежал слоем высотой в четыре метра,— ужас! И коров нельзя было гонять к водоёмам, а водопровод вышел из строя, так в один миг нашли и откопали на самом высоком холме катавал богатый родник и в лютые морозы от него к ферме глубоко в земле проложили трубы. В декабре осилили эту работу! Действительно, как на фронте было. И во всём порядок! А теперь вот, в лучшую пору маемся: пастухи — с водопоем, а доярки — без техники.

Анна выдоила корову и снова несла сливать молоко. На ходу она концом косынки стирала с лица светлые бисеринки густо выступившего пота.

— Значит, вроде законно блаженствуете после подвигов?— подтруниваяще проговорила доярка, обращаясь к пастухам.— Герои... Когда метель заносит коровники, тут уж хочешь — не хочешь, а все силы вкладывай. Стихия заставляет! И зачем об этом столько разговоров? И корреспонденты есть на вас похожие; те тоже больше пишут о «выдающихся» случаях: то о том, как волков к отаре не подпустили, то как чабан в буран овец не растерял, то как пожар потушили. И такие происшествия называются подвигами. Может оно и так. Только для меня важнее, как чабан весь год пасёт и доглядает отару, как он работает. А у нас: прокопали к коровнику туннель в снегу — подвиг! А круглый год три раза каждый день доить двенадцать коров — это так себе. Я думаю иначе: самый главный подвиг — это всё время с душой работать на благо нашей Родины! Между прочим, Кудлик именно так работал... Ну, а у вас только и разговору, что вспоминаете минувшие дни, о сегодняшнем забываете, а о завтрашних днях у вас и думок нет!

— Так тебя же утвердили участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке,— заметил Иван.— Скоро в Москву поедешь. Значит, кто-то думает! Как же ты говоришь, что работа доярки — «это так себе»? И думаем мы не хуже Кудлика.

Обида Анны Морозовой не вызвала серьёзных возражений. Все знали, что энергичная комсомолка в тяжёлых условиях минувшей зимы с колхозным электриком Николаем Верещагиным — сухопарым мужчиной лет сорока, в промасленной одежде мастерового человека, которого трудно себе представить без молотка, клещей, проволоки, ключей, изоляторов,— она вместе с ним первая освоила процесс электродойки. Конечно, не всё сразу пошло гладко. И не обошлось без того, что кое-кто, как это нередко бывает при всяком новом деле, сомневался в успехе. Даже Мария Колесова, бойкая доярка, и она встретила нововведение с недоверием.

— Не будет дела,— сказала Мария Колесова подруге Анне Морозовой.— Это, если бы у нас были коровы воспитанные, как на племенных фермах. А дурашливую Зорьку не приучишь к технике; она просто не даст молока! Да ещё в такую погоду: только возьмёшься за что-нибудь металлическое — руки коченеют.

Другие вообще махнули рукой на это дело. А Казьменко, глядя, как Николай Верещагин и Анна Морозова настраивали аппаратуру электродойки, сказал:

— Соседи ще в том году поставили электродойку, та скоро по бросали це дило, воно не пошло. А попервах шуму подняли! Сдается, у них и зараз в сарае валяется така ж аппаратура.

Анна Морозова, упорная и энергичная, настояла на своём: совместно с колхозным электротехником, влюблённым в своё дело, она всё же освоила механическую дойку. И руки не устают и в три раза быстрее ручной дойки!

Сразу изменилось отношение к электродойке.

— Анна, подцепи меня,— сразу же попросила Мария Колесова.

— Когда будешь доить, шумни мне, я посмотрю,— сказала Антонина Гриценко, давнишняя доярка.

У Анны Морозовой есть своя гордость: она раньше всех применила электродойку, заохотила подруг и помогла им справиться с непривычной работой. И вдруг все её старания пошли насмарку. Обидно!

— Губа не дура наша Анна,— сочувственно улыбнувшись, сказал Иван.— Скучает по своей технике. Через то никаких подвигов не признаёт. Тогда надо передвижную станцию создавать! Такую бы: куда стадо — туда и она...

— Вот это бы да!— бездумно подхватил Пётр Шаталов.

— Есть другой выход,— авторитетно, тоном знатока заметил Алексей Долгополов.— Автомашину, если хотите, можно приспособить. Эта же машина, что возит доярок и молоко, будет и доить. От двигателя аппаратура может получить энергию — сжатый воздух и всё.

Пётр Шаталов, приоткрыв рот, недоверчиво посмотрел на шофёра: дело он говорит или хвастает своей машиной?

— Но это технический вопрос,— важно сказал шофёр, снисходительно улыбнувшись,— и не пастухам в нём разбираться... Тут надо много знать о всяких машинах! Я, пожалуй, займусь этим делом...

— Ты смотри!— искренне удивился Иван.— Оказывается, всё можно. Одни мы с тобой, кум, без всякой техники работаем. Пешая команда, — он локтем толкнул Петра Шаталова и засмеялся.— Кум, Петро, что ж это мы? А? Так и будем жить? Вроде отстаём... Неужели ж мы хуже трактористов? Давай, хоть как они, по мотоциклу себе купим. С люльками. Установим на них радиоприёмники и будем себе раскатывать по степи, вокруг стада, да вальсы слушать!

Пётр Шаталов украдкой следил за выражением лица Алексея Долгополова: дурачит?

Иван своим весёлым разговором развлёк кума.

— Ага!— плутовато улыбаясь, воскликнул Пётр.— А ещё лучше: к люльке пристроить громкоговоритель, чтобы издали завертать коров. Чуть что — рявкнул на все катавалы: «Зорька, ты куда?». Вот бы твоя чалая глаза вылупила.

Все от души захохотали.

Анна Морозова в третий раз несла молоко к флягам.

— Зубы скалить вы можете!— осуждающе сказала она. Её лицо порозовело, струйки пота проложили дорожки на щеках.— Передвижная станция. А разве мало места для скота вокруг фермы? Там и баз есть, и электричество, и аппараты мехдойки, зелёный конвейер... Так нет же, вокруг фермы ходят отары овец, а дойных коров загнали чёрт знает куда. Пастухи! А зелёный конвейер где?

— На плакате,— игриво ответил Иван.— Ты что, в амбаре не видела зелёные плакаты? В конторе и коровниках — везде развешаны. Любуйся! А на тот, что в поле вырос — шагать не смей.

— Был бы Кудлик...

— При чём же здесь пастухи?— вполне серьёзно заговорил Иван, задетый повторным упоминанием о Кудлике.— Это чабаны подставили ножку пастухам. Запрудили все катавалы. А где овцы походят — это ещё Кудлик говорил: он по овцам «собаку съел» — там коровы не будут пасться, им не по душе овечий дух, да и травы там не ищи, одни гольши останутся. Ты думаешь, Анна, у меня душа не болит? Ошибаешься! Вот только пусть сюда начальство зайвится. Я и сам такую речь подготовил—ого-го! — пусть послушают критику... Может быть, правление задремало: в этом году, дескать, поставки молока намного уменьшены, так они, должно, думают, что их легко выполнить и без зелёного конвейера. А про то, наверно, забывают, что государство снизило молокопоставки и для того, чтобы колхоз быстрее богател, да чтобы стоимость трудодня повысилась. Я б спросил у Бурхацкого и Казьменко: о чём они вообще думают? Чуют — никто из них не появляется. Иван Сафронович сейчас насчёт уборки урожая печётся... А Фокович топчется на скотном дворе и, я уверен, что заодно и своих гусей пасёт. Как же ему оторваться от двора! Ну, что сейчас делать на ферме: там одни телята остались. Он к нам нарочно не заявляется.

— Кудлик — тот не дожидался бы,— подзадоривала пастуха Анна, нащупав слабое место у Ивана.— Сам нашёл бы кого надо... И уж во всяком случае вот так бы не валялся на траве, а какую-нибудь книжку или газету читал... Тоже мне пастухи! Только и знают, что чешут языки да на ходу спят.

— Пастуху читать книжки не с руки,— отозвался Пётр Шаталов, преодолевая неловкость,— Только уткнёшься в неё, а коровы и разбредутся.

— А ты бы хоть раз «уткнулся», а так чего зря говорить.

— Вот ещё!— стушевался Пётр.

Перепалка с Анной настроила Ивана на деловой лад. Как это теперь с ним частенько бывает, он принялся ходить между коровами. Одни из них стояли в ожидании своей

очереди дойки, другие уже лежали, но все непрестанно пережёвывали жвачку. Пастух не пропускал ни одну доярку, чтобы что-нибудь не сказать.

— Доить мне без спешки, — он заглянул в ведро Марии Колесовой и говорил осторожно, спокойно, но так, чтобы слышали все.— Почему молока мало? Должно быть больше... Учитесь у

Анны Морозовой! В прошлом году она надоила по две тысячи двести шесть литров от каждой фуражной. Скоро в Москву поедет. Посмотрит Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. За хорошую работу — человеку почёт! Ну, и дополнительной оплаты получила почти тонну молока, и ещё телёнка. И ты бы, Мария, поехала в Москву, но чуточку не дотянула: одиннадцать литров всего и не хватило... Анна обязалась по две тысячи пятьсот литров надоить. Старательная комсомолка. Спрашивается, чем же вы хуже её? О соревновании не забывайте! И пастуха своего не срамите.

— Запел, как Кудлик,— притворно строго сказала Мария Колесова и «уколола» пастуха чёрными глазами.— Иван тоже стал любителем читать лекции. Как начнёт, только слушай.

— Кудлик... Причём тут Кудлик?— живо возразил Иван.— Дело ж говорю? Или тебя, Мария, не интересует первенство завоевать? Мечтаешь же в Москве побывать на выставке! Ну, тогда нечего Кудликом попрекать... Я бы на твоём месте обогнал Анну Морозову!

— Есть обогнать!— весело отчеканила Мария.

Доение длилось часа полтора, а когда оно закончилось, пастухи стали «над душой» учётчицы: «Сколько?»

— Кум,— Иван обратился к Петру Шаталову,— давай свою цифру.

Пётр Шаталов издали взглянул на бумажку в руках учётчицы и, досадливо махнув рукой, отошёл в сторону.

— И не надеешься?— насмешливо спросил Иван.— Значит, заранее сдаёшься?

— Два и шесть десятых литра от фуражной,— тихим голосом растерянно произнёс Пётр.

— А у Ковалёва ровно три, — бойко и громко выкрикнула учётчица, протягивая записи Ивану.

И доярки, как всегда, окружили учётчицу: их интересовал «индивидуальный» надой. По-разному выглядели итоги: Анна Морозова надоила 48 литров, Мария Колесова — 40,5, а Анастасия Зубенко — 36, Ксения Панкратова — 35.

— Не повезло мне: две коровы яловых,— горестно сказала Анастасия Зубенко.— Дополнительной оплаты мне уж не ждать. А это всё вина Казьменко. Сколько коров abortировало, потому что Фокович не любит советы слушать. Кудлик был прав. Да и искусственник Пётр Шаталов не без греха. Ездил же на курсы осеменаторов, а пользы от него, как от козла молока. Послали бы кого другого, смотри, работал бы...

— Что, я тебе нанялся, чтобы коровами твоими лично интересоваться,— заносчиво и в то же время обидчиво буркнул Пётр Шаталов.— Искусственное осеменение не от меня зависит. Фокович заупрямился.

Ксения Панкратова приблизилась к Анастасии Зубенко.

— Он себе-то ума не даст, не то, чтобы искусством осеменения среди коров править,— сказала она вполголоса, а громче добавила:— И я в зиму не останусь дояркой. Коровы моей группы маломощные, на них дополнительной оплаты не возьмёшь, а только измучаешься, особенно в такую непогоду, как прошлой зимой.

Иван задумчиво пожевал губами.

— Победа, значит, за нами, а вот радости мало,— он говорил медлительно и вяло.— Три литра... А почему не пять или шесть? Видишь, как оно получается, когда зелёный конвейер только на плакате. Кудлик, как знал, что пастуху не дадут развернуться. Оставил свой пост, ушёл от стада. Вернее, его выжили... И у меня

мыслишка начинает шевелиться: сдать кому-нибудь дела. Три литра! Года три тому назад это, может быть, и хорошо считалось. Но теперь, когда партийный Пленум сказал своё веское слово, надо же давать больше продукции! Партия подталкивает животноводство: расти, поднимайся! Сразу — откуда только взялись! — в колхоз пришли на работу зоотехник и три ветеринарных фельдшера. Ну, теперь-то уж, думалось, возьмёмся! И вот на тебе — остались без зелёного конвейера. Откуда же взяться молоку?!

VII. «КАЗЬМЕНКО НЕ ТЯНЕТ».

Рядом с амбарчиком-конторкой фермы строится капитальное помещение. Сюда скоро поместятся ветпункт, канцелярия, красный уголок.

Павлий возмужал за годы учёбы, только глаза его сохранили ребяческую живость. Он осматривал стройку. Секретаря парторганизации интересует, как будет размещён «штаб фермы». Удобная ли комната отводится для специалистов? Что потребуется, чтобы животноводческие кадры культурно и с пользой проводили время?

Казьменко откуда-то на себе нёс огромную жердину к базку для молодняка.

— Ось я зараз, Пётр Родионович,— сказал он, увидев Павлия.— На место брошу бревно... Телята размордовались и, бисовы души, завалили стенку своей закутки.

Они пожали друг другу руки.

— А как дела в стадах?— поинтересовался Павлий. — На сколько им хватит пастбища на Сухой балке?

— Та хйба я там был?— Казьменко на вопрос ответил вопросом.— Мне и тут хватает дела. Коровы никуда не денутся, поедят там траву — сюда заявятся, не минуют ферму. Дё ж ще? Будут шлёндрать по катавалам...

Павлия удивили рассуждения Казьменко.

— Какой же ты, Фокович, заведующий, если не знаешь, что делается на ферме,— скороговоркой произнёс Павлий и спросил:— Скоро ли закончится строительство «штаба»?

— Це вже спытай тих, шо строят,— спокойно посоветовал Казьменко.— Я до них не мешаюсь.

— Так для фермы же строится контора и прочее!— с ударением на слове «фермы», повышая голос, сказал Павлий.— Сколько же можно прозябать в этом амбаре? А ведь на ферме теперь работают четыре специалиста. Им нужны условия для работы. И всё это твоя забота!

Казьменко уставился на секретаря парторганизации, его крупное лицо расплзлось в улыбке и зарделось так, что следы оспы стали едва заметны.

— И этим делом, выходит, я должен заниматься?— с искренним недоумением спросил он.— Та для меня и амбар подходящий. А яки условия потрібни специалистам — воны люди учёные, им виднее.

— Это же твои первые помощники!— наставлял Павлий.— Ты на них должен опираться, с их помощью повышать культуру животноводческой работы. И твоё дело окружить специалистов вниманием, установить с ними деловой контакт.

Павлий осёкся, когда увидел, что Казьменко ухмыляется и всем своим видом даёт понять, что, мол, секретарь говорит не то, что надо.

— Обопрёшься на них,— протяжно, как о безнадёжном деле, сказал он,— когда один требует то, а другой — другое: зоотехник Савина диктует як його... рационы, а ветфельдшер Романов требует, чтобы за телятами уход был, як ото... в детских яслях.

Секретарь парторганизации и заведующий фермой издавна знают друг друга: на одном хуторе выросли и живут. Но этот разговор заставил Павлия по-новому взглянуть на Казьменко. Секретарю было известно, что Казьменко имеет только двухклассное образование, по существу он малограмотный. Но казалось, что это работающий человек, который, если надо, берётся за любую работу и держит в своих руках ферму. Словом,

считалось, что все прошлые годы он справлялся с возложенными на него обязанностями. Иногда даже думалось, что он просто создан для такого нелёгкого дела. Так судили многие хуторяне, в том числе и Павлий. Его хвалили за какое-нибудь действительно, но случалось и за мнимое улучшение работы фермы. Двадцать лет! И как же до сих пор не заметили, что Казьменко, особенно теперь, может быть, помимо своей воли превратился в тормоз на пути развития молочной фермы? Да, слишком долго этой отрасли колхозного производства не уделялось должного внимания, мирились в животноводстве с тем положением, какое здесь создавалось.

А дело двигалось «ни шатко, ни валко». Только когда перебросили работать на фермы группу коммунистов, да комсомольцев туда послали, вот тогда дело заметно пошло в гору.

В ту, слишком затянувшуюся пору, когда на животноводство в колхозе смотрели «сквозь пальцы» и когда отставание этой важной отрасли никого особенно не беспокоило, казалось, что Казьменко был на своём месте. А вот сейчас, особенно после сентябрьского Пленума ЦК, когда стада разрослись, когда выстроены стандартные корпуса, когда механизация пришла на фермы, когда специалисты перестраивают всю работу на научных основах, чтобы высоко поднять культуру животноводства, когда нужно подхватывать и внедрять достижения науки и передовой опыт в производство, когда усложнился весь животноводческий процесс,— теперь секретарю парторганизации стало ясно, что Казьменко — это не тот человек, который поведёт ферму на крутой подъём.

— Ты так рассуждаешь, словно газет не читаешь, книги в руки не берёшь,— взволнованно заметил Павлий не без «дальнего прицела»,— Не в курсе дела.

— А когда ж мне за книжки браться? — сказал Казьменко тоном обиженного человека.— День и ночь один товчётся по базам, за всеми доглядает... Газету-то я выписал, а когда ж её читать? Я её и не бачу. Ночью з дома иду на ферму, ночью вертаюсь. Бывает, про обед забудешь.

Они помолчали.

— Ну, вот зачем ты сам жерди таскаешь? — спросил Павлий.— Заведующий плотничает, а что делается на ферме — не знает. Какой же ты руководитель? Надо правильно организовать труд животноводческих кадров. И пастухи могли бы починить баз.

— Да, заставишь их! — оправдывался Казьменко.— Лучше самому!

На опушку ясеновой рощи из кустарников выбегали телята; их гнали на баз подкармливать.

Павлий, раздосадованный, пошёл на катавалы, где виднелась отара овец.

«Нехорошо получается,— подумал он.— Проморгали! Я и не думал, что Казьменко так отстал, и такой он... заскорузлый. А только ли он виноват в этом грехе? Нет, не один, он... Чего-то и парторганизация не доглядела. Ну, и что из того, что он беспартийный... И я виноват больше всех: как ещё плохо знаю людей! Помнится, сколько раз была возможность послать Казьменко на курсы животноводов. И всегда на правлении раздавались голоса: «Подумать надо прежде чем посылать куда-то Казьменко. Кто фермой будет руководить? На Фоковиче, считай, там всё держится». — «Он и без курсов мастак в своём деле, природный животновод». И Казьменко долгие годы оставался безвыездно дома. Да тогда он и сам не «рвался» на учёбу, чувствовал себя хорошо «подкованным на все ноги». А вот год тому назад, когда из района потребовали послать животновода на трёхмесячные курсы по искусственному осеменению, Казьменко словно спохватился, что много упустил, заметался: «Та пошлите ж меня на те курсы... Мини это дило — вот как надо знать! И вообще хоть чуток повчусь». Кто-то пошутил: «Казьменко раз в сто лет на учёбу собрался». Только посмеялись, на том и закончили разговор об учёбе заведующего молочной фермой. Бурхацкий был в отъезде и на курсы направили подпаска Петра Шаталова, который, вернувшись с тех курсов, стал пастухом. Какая ошибка: ведь Казьменко не тянет... И

можно ли эту ошибку исправить? То есть сохранить его в руководстве фермой? Как-никак двадцать лет трудится человек... Задача!»

А когда Павлий взбирался на катавалы, Казьменко посмотрел ему вслед, лицо его как-то вдруг вытянулось,— оно всегда в минуты недовольства принимало такое растерянное, а может, и обиженное выражение.

«Балакать научился, а пидсоблять и не подумаешь,— рассуждал сам с собой Казьменко.— Як бы я три года побув на курсах, глотав бы на ходу книжки и газеты... А зараз мини цилый год потрибен, шо б страницы поперевертать у толстой книге... Хиба я не пробував? Укорять воно легче, чим пидпомогты!»

Старший ветеринарный фельдшер Пётр Романов встречал телят, с поднятыми вверх свечой хвостами, перебежавших с опушки роши в базок, где для них приготовлено молоко. Они вливались в ворота базка красноватым потоком, и лишь местами мелькали «зыбью» рябенькие телята.

Фельдшер внимательно осматривал молодняк.

— Этих вот больных телят, Василий Фокович, на пастбище не выгонять,— говорит Романов. — Их надо оставить дома и изолировать.

Он указал на вяло плегущихся позади телят. Среди них была еле передвигавшая ноги белобокая с лысиной на лбу тёлочка.

— Це ще Кудлик ото так же командував, пока самого... отрядили до дому,— невозмутимо возразил Казьменко.

— И Кудлик был прав!— сколько мог спокойно, но решительно сказал Романов; ему лет двадцать восемь, у него задумчивое худощавое лицо.— Зря «отрядили». Это беспокойный и любящий своё дело человек! Пора исправить ошибку.

Фельдшер частенько «схватывался» с Казьменко.

Накануне между ними состоялся такой разговор:

— Больную корову в стадо не пускать,— предлагал фельдшер.— Будем её лечить.

— Не буде дила,— упирался Казьменко.— А кто за нею будет доглядать? Поить и кормить, кто буде? Где мы кадров наберёмся для этого?

Коммунист Романов свои фельдшерские обязанности исполнял с похвальным прилежанием. Молодого специалиста не расхолаживало равнодушное отношение Казьменко к его роли на ферме. Он всякий раз добивался своего, хотя заведующий всей своей мощью держался за старые привычки.

И вот сейчас фельдшер, осмотрев молодняк, нашёл среди них больных, хуже всех была Сорока-белобока, со звёздочкой на лбу,— тёлочка.

— Сороку и вот этих телят поместить в изолятор,— распорядился фельдшер, а сам деловито расстегнул походную кожаную сумку с инструментами и медикаментами, будто проверял содержимое её.— Сейчас полечим их и скоро всё пройдёт.

— Панькаться з каждую соплёю!— сердито сказал Казьменко.— Морока одна. Сороку чем ни лечи — даст дубу! Та хоть бы и выдужила — не виликое счастье, однаково её сдавать на мясо. Теперь же мы телят на племя придержуемо только красной степной породы. А таки, як Сорока, то вже считается брак. Хто ж з нею буде возиться? Цього не було и не буде! Панькаться...

Романов осматривал Сороку.

— Мало чего не было,— возразил фельдшер.— Года два тому назад и Сороке б радовались. А теперь вот подавай вам только племенных! Что ж поделаешь, если она рябенькая уродилась... Сейчас введём Сороке пеницилин. Это очень хорошее средство для лечения простуды лёгких.

— Пилицилин той ей поможе, як мёртвому припарки...

— Пеницилин, а не пилицилин,— повторил фельдшер.

Казьменко был явно чем-то расстроен, может быть, беседой с Павлием, и всё время возражал.

— Будем лечить!— категорически заявил фельдшер, готовый настоять на своём со всей энергией молодого специалиста. Он метнул строгий взгляд в сторону Казьменко.— Сорока ещё будет выбрыкивать. Хороши бы мы были лекари, если колхоз не досчитается телят! Ни одного случая падежа!

— Абы балакать,— Казьменко отошёл от база так, как бы хотел уйти от завязывавшегося спора. — Доглядать за ним кто буде?

К Казьменко приблизилась Клавдия Колесникова, старшая телятница.

— Фокович, та давайте ж кого-нибудь,— сказала она вкрадчиво, но, видно, что уже не первый раз напоминала заведующему о неотложном деле.— Нина Кулешова не придёт. Я ж осталась одна...

Нина Кулешова — подросток лет пятнадцати — в обиде на старшую телятницу за то, что Клавдия неправильно даёт сведения о начислении трудодней. Они после того, как третья телятница, жеманная Лена Курочкина всё-таки привела в исполнение угрозу — бросила своих телят, вдвоём пасли три группы. А Клавдия Колесникова давала такие сведения, что будто бы она пасёт две группы, а Нина одну. Узнав об этой несправедливости, Кулешова бросила телят и ушла домой.

Лена Курочкина по другой причине ушла от телят месяц тому назад. Как-то раз она опоздала на работу. Казьменко сердито, при всех телятницах, сделал ей замечание.

— На вулицы всю ночь проблукае, а тогда на ходу спит.

— Сколько мне быть на улице — это моё личное дело,— вспыхнула Лена. — А ваше заведующее дело только про одно опоздание говорить... И вообще очень интересно мне с вашим ишаком возиться! Целуйтесь с ним сами...

И тут же Лена самовольно ушла от телят. Подруги, полагая, что у неё быстро «перекипит» обида и она, несколько погодя, явится на ферму, вслед Лене пропели:

Скажи, скажи, когда вернёшься,
Скажи, скажи, когда встречать?

Но у Лены Курочкиной созрел, видимо, заранее свой план и нужен был только удобный момент и подходящий повод, чтобы его осуществить. И она воспользовалась грубостью Казьменко. Она стала сакманщицей. Эта профессия сейчас её больше устраивала. Окот овец происходил в дальней кошаре, неподалёку от Казьминского училища механизации. Свой сакман Лена всё время держала вблизи училища: на её глазах парни осваивали технику.

— Всё не придумаю, як штат телятниц закрепить, — сокрушался Казьменко.— На молодых девчат часто капризы нападают. Шо ты с ними зробишь! А тут ще фельдшер... До каждой Сороки ему няньку давай!

Действительно, положение сложилось такое, что некому ухаживать за телятами. Осталась только одна Клавдия Колесникова.

Казьменко накануне целый день ходил по хутору в поисках телятниц. Вернулся на ферму «без ничего».

В это время Лена Курочкина уже освободилась от сакмана, услышала, что заведующий ею «интересуется», в сумерках пришла на ферму в тщательно отутюженном белом халате, с ярко накрашенными губами и густо положенными белилами на всё лицо. Заплетённые по бокам русые косы уложены «качалкой» вокруг головы, над ушами в волосы воткнуты цветы «невеста», голубые глаза насторожённо бегают — всеми своими манерами и видом Лена давала понять, что с ней надо обращаться вежливо и не упрекать её «вулицей».

— Молоко разливайте одинаковыми порциями, шо б на всех телят хватило,— проговорил Казьменко, обращаясь к Лене так, словно она никуда не отлучалась с фермы.

— Ух, вы мои хорошие,— Лена принялась из ведра поить телят.— Уже какие большие стали. Как вы быстро растёте... Только глазки всё такие же, как у маленьких. Иди, иди, Сорока, иди моя красавка, пей... Ну, зачем ты такая рябенкая уродилась.

Вырастешь и не пустят тебя в стадо красной степной породы. И как же ты без меня тут простудилась?

Романов следил за поведением Сороки. Белобокая тёлочка, бойко растолкав подруг, настойчиво дотянулась до ведра с молоком. Это не ускользнуло и от взгляда Казьменко.

— Дывись, вже бисово теля мордується,— проговорил он примирительно, обратившись к фельдшеру.— А той як його... пильне-нилин Сороке допомагає. Добре лекарство!.. Та хіба ж я против ветеринаров. Тут с телятницями ніяк не сладишь... Будет жить и Сорока!

— Да, Сорока поправится быстро,— уверенно согласился Романов, думая о чём-то своём.— Этого ещё нехватало, чтобы идти в открытую против ветеринарии! Кто же на это отважится... Вооб

— ще же надо кончать с кустарщиной и на высокой культурной основе строить дело!

Казьменко сосредоточенно посмотрел на Романова: «Шо-то придумал и этот!»

— Пора создать в колхозе ветеринарный стационар,— фельдшер развивал свою мысль.— Надо оборудовать тёплое и светлое помещение-лечебницу. Там иметь аптеку, чтобы все необходимые медикаменты были. И при лечебнице завести манеж, станок для лошадей. В колхозе уже сейчас работают четыре опытных специалиста. Их ещё больше будет. Даю ручательство — падежа не будет! Сама собой продуктивность повысится...

Выражение лица Казьменко как бы говорило: «Без этого сколько обходились. Когда-то ка весь Либкнехтовский район один ветфельдшер был. И кто его знает, чем вин там займався. А теперь, видишь, як дело повертається: на хуторе строить лечебницу для скота! Всё ж таки жаль, шо я не проходив ніяких курсов...»

Но вслух сказал:

— Там дали — увидим...

— Иван Сафронович уже дал команду обдумать этот вопрос, — заметил Романов.— А это значит, что уже в этом году начнём строить лечебницу.

Казьменко почувствовал мой интерес к его отношениям с Романовым, подошёл ко мне и, видимо, желая, чтобы положение было правильно понято, сказал:

— Богато де чього у нас ще не хватаєт... За всим не доглядышь. А всё ж таки видно, шо растём! Ось ця зима була страшенна, а мы на сто тридцать центнеров молока надоили больше, чем в позапрошлую зиму, когда, здається, всё было так хорошо. А за ци пять месяцев уже более тысячи литров приходится на фуражную... Конечно, от критики будет польза. Романов своё требует — це ж его дило! А мини за все отдуваться. Такая у меня должность. За двадцать годов чего тильки не было! Хоть бы вже зняли з работы, та кого сь другого поставили...

...В кабинете Бурхацкого, когда сюда вернулся от отары Павлий, сидел Павел Петрович Острейко, секретарь райкома партии по зоне Казьминской МТС. Это полнолицый мужчина лет тридцати пяти, с копной непокорных чёрных волос, небрежно откинутых назад, с внимательными, усталыми глазами.

— Интересное явление, Иван Сафронович,— продолжая, видимо, давно начатый разговор, сказал Острейко.— Ферма заметно улучшает свои качественные показатели, а заведующего хоть бери да немедленно снимай... И ведь Казьменко ни в чём предосудительном не замешан? Больше того, — старательно работает! Понимаете, какая странная ситуация? А ведь заведующий фермой — это такая фигура, от которой зависит успех дела.

— Он старательно «дуги гнёт»,— как всегда серьёзно высказался Иван Сафронович.— Есть такая басня Крылова — «Трудолюбивый медведь». Помните: «Орешника, березника и вязу мой Мишка погубил несметное число, а не даётся ремесло»... А ферма растёт потому, что не один он там работает. Дельных людей к нему послали. Правда, в строительстве коровников, телятников он активно участвовал, любит это дело. Кормовую проблему всем колхозом решаем. Механизацию внедряем, не даём ему мешать этому делу. Породный состав поголовья улучшаем и ему растолковываем важность этого

мероприятия. Как будто он стал понимать... Словом, ведём ферму вперёд и её заведующего подталкиваем. Всё думаем, что подтянется, Василий наш Фокович, перестроится, возьмётся за дело по-новому.

Павлий присел на мягкий диван рядом с Острейко.

— А всё-таки, мне кажется, на ферму придётся ставить другого человека, — вставил Павлий.—Рано или поздно, а так случится. Казьменко явно не справляется со своими обязанностями. Он их просто себе не представляет. Работает так, как, мне рассказывали, было в первый год — толчётся на ферме, выполняет второстепенные дела, которые подвёртываются под руки, а фермой в целом не руководит. Сегодня я в этом окончательно убедился. А история с Кудликом говорит о том, что он недолгобливает инициативных людей, критики не терпит. Зачем же держать его, чтобы кто-то работал за него!

— И я склоняюсь к этому,— сказал Острейко.— Ждать от него каких-то чудес — только утешать себя. Ведь у Казьменко двухклассное образование; подчинённые ему пастухи, доярки грамотнее своего заведующего. И он ничему не учится: за всю жизнь не прочитал ни одной книжки! О людях не проявляет заботы. Наоборот,— грубый в обращении с ними. Всё это факты! И с ними нельзя не считаться.

Иван Сафронович внимательно слушал секретаря райкома, на лбу сблизилась углубившиеся две складки, глаза прищурились — видно, он сосредоточенно о чём-то думал.

— Снять его с поста заведующего легче лёгкого,— после продолжительной паузы проговорил Бурхацкий.— Много жалоб на него от пастухов, доярок, телятниц. Со специалистами не ладит, они собираются уходить с фермы. Это всё так. А кого поставить на его место? Давно смотрю и ещё пока не высмотрел...— Снова пауза.— У меня есть такая думка. Он участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Пусть поедет, посмотрит, как люди работают, поучится у передовиков, критически обзреет свою деятельность. И ещё, может быть, выправится. А мы ему поможем. Внимательнее будем к нему... А учиться — я не знаю, куда его, малограмотного, можно послать? Ему надо дома основательно посидеть за школьными учебниками, чтобы потом его приняли на какие-нибудь животноводческие курсы... Насчёт Кудлика и я виноват: некогда было разобраться, что там у них с Казьменко стряслось. И я не знал, что Кудлик такой обидчивый. Фельдшер же мог бы потом мне всё рассказать. Новаторы — вообще народ интересный. Я Кудлику предлагал вернуться на ферму. А он мне, знаете, что ответил: «Пока там Казьменко маячит — не пойду: только нервы трепать». Вообще он стремится к отаре — любит овец больше всего на свете. Пошлём его к овцам.

Несколько минут молчания.

— Мало на Казьменко надежды,— первым нарушил молчание Павлий.— Правильно Павел Петрович сказал: «Ждать от него чудес» только оттягивать решение вопроса.

— Ну, и разбрасываться людьми так вот сразу — не дело,— возразил председатель.— И мы с тобою немало виноваты, что Казьменко не поднялся! Рубить с плеча — не наш метод.

Острейко улыбнулся: ему, видимо, понравился ход мыслей Бурхацкого.

— А что ж, давайте попробуем ещё и так, как предлагает Иван Сафронович,— заключил он.— Как говорится, испытюк не убыток. Может быть, действительно выставка его встряхнёт.

Павлий улыбнулся. А Бурхацкий в знак согласия с секретарём райкома утвердительно кивнул головой.

Улыбка секретаря парторганизации была вызвана вот чем: Павлия не смутило то, что его мнение не принято. «А всё-таки хорошо, когда есть «свой» секретарь райкома партии под боком,— подумал он.— Сколько вопросов быстро, оперативно решается со знанием практического дела! Только удачно ли подошли к Казьменко — покажет ближайшее будущее».

VIII. «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА».

С Иваном Кудликом мы встретились на его приусадебном участке. Он вместе с женой Ириной был в огороде. Они работали на разных грядках: он пропалывал табак, она — помидоры.

— Не забыли... А я ведь теперь не пастух,— как-то стыдливо улыбаясь, сказал Кудлик так, будто оправдывался, что копается на своей усадьбе, или хочет выразить сожаление, что он не около стада.— Новую квалификацию приобрёл — строитель! Делаю саман. Строек у нас теперь много. Только что пошабашили в бригаде и вот дома ухаживаю за табачком.

— Чёрти чем землю засоряет!— сварливо сказала Ирина, сухощавая, высокая женщина лет сорока.— Нет, что-то бы полезное посадить, ему обязательно — табак. И растёт же такая отравка на белом свете! Насобирает вонючего зелья, а потом всю зиму чадит...

Вечерело. По улицам растекалось вернувшееся с пастбища стадо. Хозяин суетливо подбежал к калитке и впустил корову.

— Мира пришла, красавица наша, заходи, — он погладил крупную корову по гладкой шее. Мира доверчиво вытянула голову и чуть прижмурила глаза.— Ласку, баловница, любишь... Наелась? Пить хочешь?— Он быстро сбегал в дом, вынес краюху хлеба.— От этого, знаю, ты не откажешься...

Мира привычно уткнулась мордой в руку хозяина и не спеша жевала хлеб. Потом он добавил:— С виду простенькая корова. Помесь красной степной породы с костромской. А молочка даёт без малого пять тысяч литров.

— Расхвастался!— капризно протянула Ирина, уводя Миру в сарай.— Кроме коровы, ничего на свете и не видишь.

Кудлик конфузливо затоптался на месте, видимо, не зная, что ответить жене. Только, когда Мира была уже у порога сарая, он крикнул:

— Мира!

Корова остановилась и внимательно повернула голову в сторону хозяина.

— Ты, Мира, не обижайся на свою хозяйку,— шутливо сказал Кудлик.— Знай своё дело: побольше давай молока,— он проводил взглядом корову, а потом обратился ко мне:— За полмесяца выполнили годовой план сдачи молока! Может быть, хотите отведать домашнего свеженького масла или сметаны? Что любите: сливки или простоквашу? Всего этого у нас вдоволь.

Кудлик вдруг бросил свой взгляд на катавалы и на минуту застыл в позе человека, устремлённого вдаль: с холмов спускались отары овец. Хозяин глубоко вздохнул, торопливо скрутил цыгарку и пригласил меня в дом.

— Слышали, что моя Ирина сказала?— весело спросил он, когда мы уселись за столом, накрытым белоснежной скатертью.— Ну, а как не ухаживать за коровой? Хотя она, Мира, и скотина, а ведь ласку любит. Это только так кажется, что животное, как говорится, глупое существо. Нет! У скота есть свой ум и его надо понимать, чтобы добиться чего хочешь. Я было начал работу с отдельными коровами — организовал правильный раздой. И знаете, что получилось? Простенькая корова Туча дала Анне Морозовой за минувший год три тысячи восемьсот семьдесят два литра молока. Анастасия Гриценко надоила от Чайки три тысячи семьдесят пять литров. Более трёх тысяч получила Мария Колесникова от Серы... Если бы за колхозными животными ухаживать как следует да хорошо кормить их, многие коровы давали бы молока не меньше Миры. На сколько бы поднялась продуктивность! Животное всегда на заботу отзовётся добром.

Хозяйка, убрав со стола букет цветов, оставила его молочными продуктами в различной посуде: тарелку со сливочным маслом, миску со сметаной, кувшин с простоквашей и кастрюлю с кипячёным молоком.

— Ешьте, не стесняйтесь,— угощала Ирина,— всего этого у нас вволю,— она обернулась к мужу.— А ты брось чадить! Только одно и на уме — коровы, овцы, быки... И во сне всё отарой командует.

Кудлик утопал в клубах табачного дыма.

— И к чему я это всё говорю?— Он взмахами рук разогнал дым.— Пастуху надо влюбиться в своё дело, много знать и всё примечать, видеть и понимать красоту природы, тогда он почувствует настоящую радость труда. Тогда он правильно будет управлять стадом. А не только размахивать палкой да покрикивать: «Гей, гей, куда!» Повадки, если хотите, даже характер животных пастух должен знать и учитывать. Скажу вам, Мира ни чем не лучше многих колхозных коров. Красный степной скот — хорошая порода для нашей местности. Он привычный к северокавказской степи и пастбищам. Выносливый и неприхотливый. И я вам скажу вот что: в нём скрыты большие возможности. Но продуктивность животных не меньше, чем от породы, зависит от кормления. Стоит только поставить наш скот на хороший корм — он способен давать высокие удои! Это мы и на своей ферме уже испытали. Последние годы мы заготавливаем грубых кормов и силоса вволю и ещё с запасом. А если улучшить кормление,— прибавить тыкв, арбузов, бураков, концентратов да организовать действительно культурное содержание — продуктивность не то что поднимется, а взлетит! Бывало, станешь об этом говорить с кем-нибудь, ну хотя бы с тем же Казьменко, так он и ухом не ведёт или скажет: «Отчепысь з своими балачками». К голосу пастуха не принято прислушиваться. Ну, я взял и ушёл от стада.

Не трудно было понять, что Кудлик не находит себе места с того момента, как перестал быть пастухом. Он чувствовал в своих руках настоящее дело, когда пас стадо. И его тоска по любимому занятию усиливается с каждым днём.

— Хотите точно знать: почему я не пастух?— взволнованно спросил он.— Потому, что не могу мириться с беспорядками! Вот вам такой факт как понравится? В начале минувшей зимы Казьменко взял да и отличился. Заставил пастухов объединить оба стада и пасти их скопом на необранных бураках. Я запротестовал. Кто не знает, что в большом стаде — двести пятьдесят голов!— коровы хуже пасутся: гоняются, бодаются, беспокоят друг друга. Какое там молоко! Кроме того, по морозцу погнали коров на те бураки, когда их уже присыпал первый снежок. На мой протест Казьменко так ответил: «Колы вже ты, Кудлик, угомонишься? Не путайся в ногах... Без тебя обойдёмся!» И я ушёл... Через несколько дней узнаю: скот понаелся мёрзлых, с ледком бураков. Несколько коров абортировало, даже был падёж. Между прочим, из моего гурта ни одна корова не пострадала: мой скот был в хорошем теле и не так жадно ел мёрзлые бураки. Нет, не привыкли у нас прислушиваться к голосу пастуха!

Кудлик зло швырнул окурок к печке, сизый дымок узкой лентой устремился вверх.

— У нас и сейчас рассуждают по-старинке: пастухом, мол, может быть всякий, даже кто ни на что, считай, не способен,— и даже такой...— Он повертел указательным пальцем, приставленным к виску; его речь становилась всё торопливее, отрывистее как всегда, когда он волновался.— Никаких знаний, думают, от пастуха не требуется. Лишь бы только где со стадом не заблудился. Кого назначают пастухом? Да кто самый крайний подвернётся на гла

за. Частенько бывает и так: приедет откуда-то неизвестный человек, наспех примут его в колхоз и сразу, конечно, не дают ему «подходящего» дела, а посылают на самую «чёрную» работу — доверяют стадо. Выходит, пасти коров — это последнее дело.

Хозяйка беззвучно вошла в комнату, прислушалась.

— Тут только развесь уши,— она с отвращением подняла окурок и бросила его в поддувало,— конца речам не будет...

— Ещё крепко держится в умах устаревшее понятие: быть пастухом — какое-то, мол, постыдное ремесло, которое не подходит разумному человеку.— Кудлик не обращал внимания на замечание жены.— Эту брехню для своей пользы выдумали проклятые

помещики и кулачье! Кровососы предпочитали держать около своего скота тёмных, забитых, бесправных людей, чтобы беспощадно эксплуатировать «дурачков».

Кудлик снова закурил и зашагал по комнате.

— Странно у нас получается,— продолжал он.— За руль на автомашину правление колхоза кого попало не посадит. Сейчас же — давай права! Да ещё расспросят: где, сколько учился и хорошо ли знает технику, поинтересуются, на каких марках работал, какой стаж, полюбопытствуют, какого человек поведения. И только, если шофёр выдержит экзамен по всем вопросам, тогда уж будет решено: принять или нет. Может быть, Алексей Долгополов поэтому свысока смотрит на пастухов. Да разве он один! Конечно, автомашина стоит денег... А стадо в сто двадцать шесть дойных коров — это же целое богатство колхоза!

Он остановился против меня и вопросительно посмотрел в глаза, точно проверял, какое впечатление производят его слова.

— И пастухов надо обучать на курсах, и сведущих людей на эту должность надо подбирать,— горячился он, как будто кто ему возражал, а он своё доказывал.— Да так подбирать кадры, чтобы все знали, что быть пастухом — почётная профессия! Я бы первый не то что пошёл, а полетел бы к стаду. И чтобы стадо было не в сто с лишним голов, а, примерно, пятьдесят, ну, семьдесят, чтобы я каждой корове мог уделить внимание. И культуру надо внедрить во все звенья животноводства!

В степи быстро темнеет. Солнце только что багровым колобком закатилось за холмы-катавалы, и долина сразу же стала наполняться синеватой прлумглой. Когда мы вышли на улицу, небо уже было усыпано звёздами. По взгорьям вспыхивали подвижные, как кометы, одинокие огни. Временами ветер доносил обрывки трескучих звуков.

— Хорошая штука — мотоцикл.— Кудлик приостановился и следил за огоньками, быстро спускающимися с катавал в долину.— Отчаюги! Это наши механизаторы раскатывают. Почти у каждого мотоцикл. Пошабашат в степи — и мигом домой!

Кудлик не спешил расставаться, он пошёл со мной по хутору.

— Хутор... До сих пор Мищенский называют хутором,— в этих его словах чувствовалось и удивление, и гордость.— Селение разрослось не хуже городского посёлка. Электричество, радио, кино — всё у нас есть. Вот, как шагает жизнь!

Он говорил обо всём, что попадалось на пути. Этот неугомонный человек, очевидно, не мог молчать, бездействовать.

— Года через три совсем неузнаваемым будет хутор,— сказал он, должно быть, уже намереваясь распрощаться со мной, но всё ещё чего-то медля, словно хотел о чём-то спросить и, похож?, ждал для этого удобного момента.

Эта манера напомнила мне первую встречу с Иваном Ковалёвым, когда он, проверив документы и преодолевая неловкость, полюбопытствовал: «Так прямо к нам... Интересно, если не секрет, почему непременно в наш колхоз?» Я не ошибся. Кудлик спросил:

— Значит, нашим колхозом интересуетесь... Из газет и по радио видно, что на Ставрополье немало есть передовых и, я бы сказал, громких колхозов. В «Пролетарской воле», что около Пятигорска, и в колхозе имени Сталина, станицы Григориполисской животноводством занимаются с умом. Там председатели—Лыскин и Луценко — знают толк в животноводческих делах. Лыскин, помнится мне ещё с тех пор, как его мы избрали в депутаты Верховного Совета, сам зоотехник с высшим образованием. Да и Луценко, терский казак из станицы Горячеводской,— тоже на все ноги подкованный. Люди обзаводятся хорошим скотом, повышают продуктивность. Между прочим, наш Бурхацкий—сильный председатель. Удивительно только, почему он Казьменко не раскусил... Или вас что другое интересует?

Я и Кудлику рассказал о своей встрече с Артёмом Ивановичем Максименко.

— В каждом колхозе, наверное, есть такие люди, которыми дорожат, как хорошим отцом,— сказал Кудлик,— Таким у нас был Артём Иванович.

Кудлик приостановился, запрокинул голову, сосредоточенно осматривал небосвод, слабо освещенный несчётным числом мерцающих звёзд. Луна ещё не всходила.

— А ведь это он, Артём Иванович, придумал такое название колхозу — «Полярная звезда»,— Кудлик шарил глазами по небу, словно отыскивая звезду, которая дала имя артели.— Есть такая звезда. Над северным полюсом сияет: Вот это, кажется, она... В позапрошлом году Артём Иванович сделал нам доклад о тридцатилетии «Полярной звезды». Это была его лебединая песня. И сейчас в ушах звучат его слова. Он ещё в первые годы советской власти участвовал в организации коммуны на хуторе Мищенском. К новой жизни рвалась беднота... Соколы! Не зря прожил свой век Артём Иванович, большой и трудной жизнью надолго оставил о себе завидную славу. А как любил колхоз! Все силы ему отдал... Скажу вам, образованный был человек. По Полярной звезде, говорил он, можно определить, где находятся какие страны света. Капитаны корабли водили куда надо, глядя на неё. Часто напоминал людям: пусть, мол, и наш колхоз, как та Полярная звезда, будет путеводным, видимый всему свету. Далеко видел энтузиаст коллективизации! Это был такой человек — ни перед какими трудностями не останавливался. Смело боролся с беспорядками, колхоз для него был дороже всего.

Кудлик замолчал. Закурил. Ясно было, что он о чём-то взволнованно думал. Возможно, об Артёме Ивановиче, о его упорстве в борьбе с трудностями. Он, может быть, сейчас впервые задумался над жизненным примером, который стоял перед глазами в лице Артёма Ивановича Максименко.

— Если бы он был живой, первый бы подал голос: убрать с фермы Казьменко!— произнёс с чувством Кудлик,— Он при жизни говорил мне. «Плохо, что наш Фокович тугой на подъём. Пройдут года, а если он не изменится — отстанет так, что на посту заведующего не устоит. Не учится, ничем не интересуется, надеется на «мужицкий» опыт.

Он с минуту помолчал и потом заговорил так, словно воспоминание об Артёме Ивановиче прибавило сил.

— И он не оставил бы Казьменко в покое пока не достиг цели, к председателю пошёл бы. А я просто обиделся и бросил стадо... Максименко ни на кого не обижался, а требовал, добивался, настаивал. Обидой делу не поможешь... Характер у меня чертовский!

Ночь вступила в свои права. Постепенно гасли огни в домах. Рано засыпает хутор. Густые тени укрыли дома, водоёмы, сады, рощи, катавалы. Установилась такая тишина, какая, должно быть, только на хуторе и бывает. А звёзды становились всё ярче и всё ласковее смотрели в долину. Показался одинокий молодой месяц, он скобкой повис на небе. Тихо, даже собачьего лая не слышно. Ни звука, ни движения.

Но вот из-за дальнего холма прорвался пучок золотистого света, потом донёсся рокот мотора, через минуту уже слышалась дружная песня.

— С вечерней дойки возвращаются,— тихо пояснил Кудлик, а сам прислушался: — Так... Анна Морозова, Мария Колесова, Анастасия Гриценко поют. Не слышно в том хоре голоса Казьменко. Спит, как святой.

Вскоре машина, наполнившая хутор шумом мотора и песней пронеслась мимо нас. Кудлик часто-часто затоптался и сделал несколько шагов к дороге, словно хотел припуститься вслед за машиной.

— Скот наш — оба стада — теперь загнали в Сухую балку,— сказал он, тяжело дыша, будто только что пробежал не один километр.— А ему и около фермы есть место. Только по-хозяйски надо его содержать и пользоваться пастбищами... Да культурно организовать зелёный конвейер!

Кудлик долго смотрел в хвост уходящей машины, мерцавшей красным сигнальным огоньком.

— Сейчас часов десять,— раздумчиво и со значением произнёс

он.— А доярки только возвращаются домой. К четырём часам утра им снова надо поспеть к стадам на утреннюю дойку... У многих есть семья, свои дети, своё хозяйство. Тяжело вот так работать в животноводстве! Однажды доярки подняли разговор о трудностях своей работы. А кое-кто открыто заявлял, что хочет уйти с фермы. Вот тогда я и задумался: неужели нельзя как-нибудь облегчить труд доярок? Сначала подумал о создании второй смены, а после размышлений —отверг этот вариант. Корова привыкает к одной доярке и другой уж не захочет отдавать молоко. Так, признаюсь вам, ничего и не придумал.

С грохотом промчавшаяся по хутору грузовая машина словно пробудила было уснувшую долину. То там, то тут запоздало подняли лай собаки, лягушки в водоёмах открыли свой «концерт», из роци подал голос филин, застрекотали миллионы кузнечиков. Степная ночь наполнилась певучим гулом.

Кудлик прервал свой разговор, точно хотел послушать: что это за шум?

— А потом как-то напал я на одну интересную брошюру,— продолжал Кудлик.— Автор её зоотехник Жолниренко, из Костромской области. Так вот он умненько разрешил эту головоломку. В учебно-опытном хозяйстве, где он является директором, раньше также работали, как и на нашей ферме, а потом ввели новый двух-промежуточный распорядок дня. Доярки стали два раза в сутки выходить на работу: скажем, утром — с четырёх до восьми и вечером— с четырёх до восьми. За это время успевают произвести четыре дойки и сделать всё, что требуется для ухода за животными. И получается восьмичасовой рабочий день. Вы заметили, что с восьми и до четырёх часов, то есть весь день доярки находятся дома и могут заниматься своими делами. А с восьми часов вечера освобождаются совершенно. Тоже могут целиком отдаться своим личным делам: сходить в клуб или библиотеку, посмотреть кино или постановку кружка художественной самодеятельности... Так вот, стал я говорить Казьменко о новой организации труда доярок, а он на меня как гаркнет: «Ты, Кудлик, чего добиваешься? Доярок мутишь... От работы их хочешь отвлечь? Не будет цього! Не допущу нияких вольностей...» Ну, что ты ему на это скажешь!? Пойти бы к Бурхацкому — а поддержит ли? Он во всём Казьменко доверяет. Даже, когда я от стада ушёл, он же заведующему и слова не сказал. Я и не пошёл. Не умею я так спокойно говорить, как Артём Иванович. А криком, разволнуешься, что-нибудь лишнее и вырвется — так сам же останешься виноватым.

Кудлик закурил, разгоревшийся огонёк спички выхватил его конопатое, покрасневшее от волнения лицо; он азартно чадил самосадам.

— Так, значит, и вы Артёма Ивановича знали?— спросил он у меня, протягивая на прощанье руку, и решительно добавил:— Много он добра сделал людям... А я всё ж таки буду чабаном!

Кудлик удалялся неторопливой походкой вразвалку, какой ходят степняки, привыкшие целые дни проводить на ногах в неоглядных просторах. Его сутуловатая фигура посредине широкой хуторской улицы, казалось, выпрямилась и в ней отчётливее вырисовывались черты, по которым обычно угадывается: хозяин идёт!

Хутор погрузился в тихий, глубокий сон.

IX. «ЕСТЬ В НИХ ТАЛАНТ!»

Осенью я ещё раз наведался к хуторянам.

Стояла изумительная погода до самого ноября. Солнце щедро поливало землю тёплыми лучами, порой даже чувствительно припекало в степи. Да наступила ли осень?!

Местные жители по своим приметам безошибочно узнают смену времени года. Весной и летом, когда катавалы зеленеют,— то тут, то там по холмам пасутся стада крупного рогатого скота, отары овец, косяки лошадей. Сейчас же пусто на катавалах; они облысели и на них пролегли морщинами серые волнистые овечьи тропы, поблескивающие голышами. Хуторяне узнают осень ещё по одной верной примете: прохладнее становятся

зори и обильнее роса, и она ранними утрами, густо окропив поблекший растительный покров, теперь чудится серебристым инеем. И массивные скирды сена и соломы, окружающие кольцом фермы, напоминают, что дело идёт к зиме.

В эти дни нелегко найти гурт или отару. Они разбрелись по полям убранной кукурузы или подсолнечника, по заросшим разнотравьем бахчам и огородам.

...Утро. Иван в промокшей по грудь одежде — в такой росе искупаться можно! — помахивая палкой, стоит впереди стада, сдерживает коров среди густой и рослой брицы на кукурузном поле.

— Ну, чего мордуется, набивайте бока, зима идёт,— ещё издали услышал я знакомый глухой голос пастуха.— Паситесь спокойно, кормов на всех хватит. А то возьму и погоню гольши нюхать на катавалах. Или пронюхали, что кормов заготовили много и вам теперь зима не страшна?

По голосу чувствовалось, что Иван хорошо настроен. Попозже я узнал, что к этому у пастуха были свои основания. Нынешний год памятный: впервые «Полярная звезда» значительно больше запланированного приготовила на зиму сена и других кормов. Вполне сытая зимовка скота обеспечена. А как поднялась продуктивность животных! По две тысячи литров молока получили от каждой фуражной коровы. Лучшие доярки — Анна Морозова, Мария Колесова, Антонина Гриценко уже к началу октября надоили по две тысячи двести литров. Если бы не «поломали» зелёный конвейер, было бы по две с половиной тысячи. Но теперь Бурхацкий «хитро» сделал: в полях зелёного конвейера посеял не чистую пшеницу, а смесь ржи, пшеницы и ячменя. Это, чтобы не смущать районное начальство. И до катавал руки дошли: по низине под огород вспахали гектаров сорок, а на четырех сотнях гектаров будут улучшены пастбища — подсеется суданка, эспарцет, клевер. Подъём животноводства уже в сильной степени почувствовался в экономике колхоза: около трёх миллионов рублей «Полярная звезда» получила от этой важной отрасли. А это составляет процентов шестьдесят пять всех доходов колхоза.

Рассказывая всё это, Иван не без гордости сообщил, что первая группа хуторян уже побывала в Москве на сельскохозяйственной выставке.

— В будущем году моя очередь! — уверенно заявил он. — А сейчас ездил Иван Сафронович, возил он с собой зачем-то и Казьменко. Были в столице Анна Морозова и секретарь райкома Острейко. Рассказывают — за год не переслушаешь!

...На ферме делались последние приготовления к зимовке: подмазывали потолки телятников, белили стены. Коровники уже отремонтированы, выбелены, сверкают чисто вымытыми полами. В них светло, тихо, покойно, уютно; они словно насторожённо ждут того момента, когда коровы будут налыганы у просторных кормушек.

Острейко с Павлием вошли в телятник. Ещё издали оттуда на простор вырывалась дружная песня:

А за лесом, где закат дымится,
Расцвела певунья-кружевница,
И во всём районе славили гармони
Молодую кружевницу, синие глаза.

Доярки на деревянных подставках-треногах поднялись к потолку и замазывали глиной щели.

Анна Морозова слезла с подставки за очередной порцией глины.

— Павел Петрович, а мы уже перешли на двухпромежуточный распорядок дня, — сказала Анна секретарю райкома. — Как костромские доярки, два раза на дойку приходим... Если бы на выставке не побывали, до сих пор бы маялись. И я уже прочитала книжку о караваевском молочном стаде, прямо завидно, какие у них высокие удои! А тут хотя бы ближних доярок Ставрополя догнать. По радио слышали: Дарья Дьякова из пятигорского колхоза «Пролетарская воля» надоила по четыре тысячи триста, а Прасковья Кобец по четыре с половиной тысячи литров молока. Кобец выставкомом награждена Большой золотой медалью. Ничего, теперь и у нас молока

прибавится. Главное — корма, а их у нас вволю. В пятьдесят пятом я догоню наших краевых передовиков... Эх, хорошо бы, конечно, и костромскую породу заиметь...

...Когда Анна Морозова была на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, она больше всего проводила времени в павильоне, где размещён костромской крупный рогатый скот. Эта порода выведена коллективом прославленных животноводов под руководством лауреата Сталинской премии С. И. Штеймана в совхозе «Караваяево», Костромской области.

Ну, как не залюбоваться доярке вот этой дородной красавицей, прозванной Камсой! Могучего сложения, на стройных крепких ногах, с мясистой грудью и хорошо развитым выменем, с весёлой мордой, увенчанной рогами, изогнутыми под прямым углом и направленными «штыками» вперёд.

— Сколько Камса даёт молока?— поинтересовалась Анна Морозова.

— Если брать надой за год, то она даёт тринадцать с половиной тысячи, — дремотно от утомлённости — сколько людей про это спрашивают!— но охотно ответила знатная караваевка Анна Павловна Соловьёва, Герой Социалистического труда.— Вот так... А чего вы удивляетесь? Так ведь она сама весит чуть ли не вдвое больше обычной коровы. Такая уж порода!

Анна Морозова записала в блокнот все данные о Камсе и костромской породе.

«Вот бы и нам такими коровами обзавестись, — подумала она, — В нашем крае, в колхозе имени Сталина, где председателем Лыскин, эта порода уже есть. Сказать Ивану Сафроновичу или он сам догадается?»

Бурхацкий не только «догадался», но и тут же на выставке предпринял шаги, о которых Острейко, конечно, знал ещё в Москве. Но Анне и сейчас об этом не сказал, так как не ясно было, какие результаты дадут «шаги». Учитывал он и другое: Бурхацкий не любил, когда о несделанном «поднимается шум».

На обмозке телятника активно работала и Нина Кулешова, та самая, что летом, обидевшись на старшую телятницу Клавдию, бросила пасти телят. Всё это уже забыто. Она повзрослела, вполголоса подпевает:

Эх, цветы-луга,
Птица иволга,
Ты гори во мне
Любовь моя.

Пожилая доярка Ксения Панкратова, которая ещё летом «загодя» предупреждала, что на зиму ни за что не останется дояркой, хотя сама не поёт, но с просветлённым лицом внутренне удовлетворённого человека слушает девичью песню. Увидев нас, она обратилась к Павлию с энергичной претензией. Ксения стоит к нему в поборота, а сама шустро посматривает на Острейко и тем как бы даёт понять секретарю колхозной парторганизации: знай, мол, если не обратишь внимания на мои слова, то я сразу же всё объясню самому секретарю райкома. Говорит она громко, чтобы слышали все:

— Скажите своему Казьменко, чтобы он глупости всякие не выдумывал. Вообразите себе такую чушь: хочет меня снять с доярок, а я противница этому. Вот и всё! Я ему уже заявила. Пусть воспоминания свои выкинет из головы! Мало что я летом взболтнула в горячах, а он уже смену подготовил. Нечего ему вмешиваться в женские разговоры. Ишь, быстрый какой! Я работала, работала, а кто-то дополнительную оплату будет получать. Нет, уж я и сама.— И уже просительно добавила:— Вы ж, как заместитель председателя и секретарь партийный, повлияйте на Казьменко, пусть не вредничает. Знаете, что он мне ответил? Заладил одно: «Сама ж заявила, а теперь крутишь, як сорока хвостом»... А что я тут крутю? Спросите у девчат про меня. Работать хочу— вот и всё!

Казьменко мы встретили около водопроводной будки, из которой выведена труба с непрерывно текущей водой. Вода падает в ближнее корыто, а отсюда переливается в другие, но пониже установленные. Он босиком, с высоко подвёрнутыми штанами залез

по колени в грязь — земля на подступах к водопою разбита в липкую грязь, а местами просто образовались лужи — и возится с корытами. Его лицо забрызгано комочками жидкой земли.

— Проклятуца худоба поперевертала корыта,— сказал он в ответ на наше приветствие.— Цэ работа Пекаря. А подправить нема кому. Здається, як бы с месяц побув в Москве, то все б тут поразвалявали...

Секретарь райкома молча пожевал губами, недоуменно глядя на Казьменко: «И выставка его ничему не научила,— подумал он,— Верно определил Павлий: «заскорузлый»...

— Фокович, ты же слышал и сам видел в Москве, как работают заведующие передовых ферм,— раздумчиво сказал Острейко.— А сам попржему...

— На выставке все, як в раю, — оправдывался Казьменко.— У нас же ще нема таких помещений. И место водопою не асфальтировано. А худоба там яка? Только сказки про неё рассказывать людям! Хиба ж с нашою сринять? Та и корма — по двадцать кило одной картошки дают корове, а потом ще буракив. И молоко бежит, як ото у нас з трубы вода. Там — я все бачив — и заведующему можно одягаться, як ото врач, когда ходит по палатам. Той опыт до нас не относится. Когда будут у нас те помещения и те коровы, и те корма, тогда и я одягнусь в белый халат и буду разгуливать, та другим рассказывать, як и шо...

«Дала ему природа силу немалую,— подумал Острейко,— а талантом не наделила. Безусловно: чтобы быть хорошим руководителем, нужно иметь талант. Какой поучительный урок! Для работы на ферме надо иначе подбирать кадры: по одному отбирать, хорошо изучив каждого человека. Это должны быть люди, способные, любящие дело и могущие его двигать вперёд. Иван Кудлик, Анна Морозова — они рождены, чтобы сделать для своего труда поприщем животноводство. Потому-то у них всё горит в руках! Передовики цепляются за каждую новинку и всю душу вкладывают в работу. Это не просто исполнители, но — творцы. Есть в них талант! А у Казьменко его не оказалось».

— Да-а-а...— протянул секретарь райкома.— Выходит зря ты, Фокович, в Москву ездил!

— Почему зря?— спокойно возразил Казьменко, его крупное лицо осветила улыбка.— Я ж там на всё нагляделся, истинно говорю, как в раю побывал. Когда б и где я увидел бы то, шо было на выставке?!

Острейко прервал Казьменко; его полное лицо зарумянилось от волнения.

— Этот «рай» мы должны строить на хуторе Мищенском,— сказал он.— Нам нужно перенимать всё лучшее, что достигнуто передовиками сельского хозяйства и внедрять в своё производство.

— То посмотрим, как оно выйдет,— будто соглашался Казьменко.

Павлий встретился глазами с Острейко, в них как бы отразилась мысль: «Говорил же я вам, что это заскорузлый... Ему уже не подняться до уровня передового руководителя животноводческой фермы».

Иван Сафронович побывал во всех полеводческих бригадах: ускорил отправку кукурузы на элеватор. Хорошо уродила эта культура: по сорок центнеров в кочанах. А её посеяли как никогда много: были заняты кукурузой основные площади, предназначавшиеся под многолетние травы. Решения февральско-мартовского Пленума ЦК натолкнули на эту целесообразную замену культур. Хватит кукурузы и для того, чтобы выполнить обязательные поставки государству, и для того, чтобы с лихвой обеспечить концентрированными кормами животных.

На хозяйственном дворе, находящемся в центре разросшегося хутора, председатель встретился с секретарём райкома.

— Ты бы, Иван Сафронович, посмотрел, чем занимается Казьменко!— посоветовал Острейко, — А договориться с доярками, кто из них остаётся на зиму, а кто подменяется, и вообще работать с людьми — ему некогда.

— Надо заменять!— резко сказал председатель таким тоном, в котором как бы прозвучало признание своей ошибки.— Но кого поставить? Трудолюбивый он человек, но жоака из Казьменко не вышло. Он и сам это чувствует: как-то раз уже просился сто-рожем на молзавод. Правда, сказано было об этом вроде шутки ради. Но тут получилось так: что на уме, то и на языке... Меня всё-таки не покидает чувство, что и я виноват: за пять лет совместной работы я не расшевелил Казьменко, не пробудил в нём жажду по-новому вести ферму. Да и, признаться, сам я мало занимался животноводством... А человек он трудолюбивый, болеет за колхозное дело, старательный и умеет действовать топором, пилой, молотком, лопатой, вилами. И такая работа ему больше всего по душе. Заведывание фермой, мне кажется, его даже тяготит. Согласен. Его надо поставить на своё место.

— Двадцать лет проработать на одной ферме — это тоже достоинство,— задумчиво вставил Павлий.

— Да-а-а,— заметил Острейко.— У Казьменко жизнь сложи-лась так, что трудолюб в нём разминулся с жоаком; они никогда не встречались... Нет в нём таланта руководителя!

Письмоносец подал Ивану Сафроновичу телеграмму. В ней дирекция госплемрассадника из города Нехворощ, Полтавской области, запрашивает «Полярную звезду»: «Назовите станцию выгрузки 14 тёлочек и 1 производителя костромской породы».

Председатель скользил взглядом по строчкам телеграммы, глубоко сидящие глаза казались, потеплели, в них будто даже засветилась улыбка.

— Вот эта порода скота,— сказал он, как всегда тихо,— вскоре изменит облик нашего молочного животноводства.

Телеграмма пошла по рукам.

Бурхацкий тут же написал ответ: «Станция выгрузки — Богословская».

...Будучи на выставке, Иван Сафронович познакомился с директором госплемрассадника, у которого оказался молодняк «костромичей» для реализации. И там же, в Москве, они договорились о купле-продаже 14 тёлочек и 1 производителя.

— Заменить Казьменко надо потому, что он нам не обеспечит коренное преобразование фермы,— сказал Бурхацкий, словно сам себя уговаривая и убеждая, что эта мера правильная, продиктована жизнью, интересами колхоза.— Тут и стаж его не спасает. Для трудолюбивого человека в колхозе работа найдётся! А на ферму нужен крепкий специалист с высшим образованием.

...В дни Либкнехтовской районной партийной конференции мы снова встретились с Иваном Сафроновичем Бурхацким.

Стояла золотая осень! Тополи, выстроенные аллеей на главной улице райцентра села Ольгинского, теряли свою яркожёлтую листву. С запада двигались хмурые тучи: с дождём или со снегом?

Около двухэтажного здания райкома партии — Доска почёта. В центре её — табличка: «Колхоз «Полярная звезда» занесён на районную Доску почёта за высокие показатели развития животноводства и его продуктивности, за строительство и ремонт животноводческих помещений, за заготовку кормов».

Иван Сафронович, как всегда, сел в задних рядах районной партийной конференции. Но теперь он не склонял голову между стульями, а сидел стройно, как это было пять лет тому назад, когда он занял место в президиуме того собрания колхозников «Полярной звезды», на котором был избран председателем. И причёска сохранилась та же. Только русые волосы заметно посеребрила седина.

Первый секретарь райкома партии Дмитрий Матвеевич Симонов, делая доклад, отметил, что «Полярная звезда» по животноводству заняла первое место в районе.

В перерывах между заседаниями конференции Бурхацкий подходил то к Симонову, то к Острейко.

— Командируйте к нам хорошего зоотехника!— говорил он.— Нужен опытный специалист. Но такой, чтобы справился с заведыванием фермой.

— Будет!

Конференция избрала Ивана Сафроновича Бурхацкого членом райкома партии.

...По пути в колхоз председатель сообщил мне, что Министерство сельского хозяйства СССР и Главный выставочный комитет за успехи в развитии животноводства премировали «Полярную звезду» легковым автомобилем.

Х. СЧАСТЬЕ КУДЛИКА

Вскоре я покинул хутор Мищенский. В памяти сохранились замечательные хуторяне, объединившиеся в процветающем колхозе, носящем красивое и гордое поэтическое имя — «Полярная звезда». Дни, проведенные в Мищенском, подарили мне встречи с интересными людьми. И главное впечатление от того, что видел и слышал, привело к мысли: жители Мищенского в массе своей глубоко поняли и осознали, что Коммунистической партией перед советским народом поставлена не какая-то очередная простая задача или начата кратковременная кампания, а что осуществляется грандиознейшая проблема, имеющая всемирно-историческое значение. Эта проблема — в кратчайший срок значительно повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами, как того требуют решения Пленумов ЦК КПСС, чтобы ещё выше поднять материальное благосостояние трудящихся.

Эта благородная цель окрыляет тружеников хутора. Они вдохновенно борются за крутой подъём артельного хозяйства и тем вносят свой вклад в общенародное дело. По пути к цели уже одержано немало побед: богатырски растёт и крепнет колхоз, преодолевая трудности. И близится день, когда «Полярная звезда» далеко будет видна, как о том мечтал зачинатель колхозной жизни на хуторе Артём Иванович Максименко.

Автомобиль едва перевалил через холмы-катавалы, и вот уже скрылась из виду очаровательная долина, затерявшаяся в «волнах» раздольной прикубанской степи. Тот, кто видел её хоть раз, навсегда полюбит.

Некоторое время спустя, мне прислал письмо Иван Степанович Кудлик:

«Спешу поделиться новостями. Их собралось порядочно, и они вас могут заинтересовать. Зоотехник у нас уже не работает, перешёл в другое место. Ветфельдшер ушёл в отпуск и тоже не вернулся. Не захотели люди с Казьменко работать. Зря, конечно, они так поступили, потому что Казьменко снимают. Уже и Бурхацкий и Павлий раскусили, что он тормозит дело. Поняли, что заведующий должен вести ферму, а не путаться в ногах...

Иван Ковалёв работает теперь не хуже меня. А я, признаться вам, к овцам большой поклонник.

И в моей жизни новость: осуществилась моя мечта — я стал чабаном! Общее собрание колхозников назначило. Уже с месяц пасу маточную отару. За этот срок успел хорошо познакомиться с каждой маткой, всех теперь знаю в лицо. Один раз на поле убранной кукурузы как-то смешались две отары, так я всех до одной своих узнал. Сам удивляюсь, как получается, но я помню каждую. У каждой овцы, заметьте, своя образина, своя походка, своя «шуба». Выискиваю такие места, где побольше трав — типчака, полыни, берёзки, осота. Овцы хорошо наедаются.

Когда обсуждали решения январского Пленума ЦК, то я дал колхозному собранию слово, что от каждых ста маток выращу сто двадцать ягнят, а с каждой овцы настригу по семь килограммов шерсти. Снова изучаю книжки знаменитого овцевода К. Д. Филянского

«Заметки овцевода» и «Работа чабана в отаре тонкорунных овец». Это интереснейшие книги — почитайте!

Радостно у меня на душе. Счастливее меня нет! Рано утром выйду с отарой в степь. Один! Кругом ни души. Только я да овцы. Окинешь взглядом широкий северо-кавказский простор — дух захватывает! А в голове мысль: я хозяин этой земли, я командир этого животного мира. Очень люблю овец, как любил и коров, когда их пас, только овец люблю больше. Сам не знаю почему.

И можете не сомневаться: Кудлик выполнит своё обязательство, данное колхозному собранию. В «Полярной звезде» будет образцовая отара овец! Приезжайте — увидите.

Радостно мне ещё и потому, что партия и правительство подсказали нашим руководителям, что надо о животноводческих кадрах больше заботиться. Я с большим удовлетворением прочитал передовицу газеты «Правда». Хорошая статья! В ней говорится: «Для обслуживания скота на зимних пастбищах и животноводческих фермах каждый колхоз и совхоз обязан подобрать опытных людей, знающих и любящих это дело. Хорошие кадры чабанов, пастухов, доярок, скотников, свинок — залог успешного проведения зимовки скота». Правильно! От себя я бы ещё добавил, что не только зимовка, а и во всякое другое время благополучие животноводства в руках пастухов, чабанов, доярок, свинок, скотников. Этим людей окружить заботой и вниманием — страна будет иметь несметное богатство молока, мяса, сала, шерсти, масла! К этому мы быстро идём!

Да, о самом важном, чуть было не забыл. Главный выставочный комитет ВСХВ присудил нашему колхозу диплом первой степени за успехи в развитии животноводства.

Полярная звезда... Есть на земле такая звезда. Она ещё засияет в полную силу!»